

Bariê Bala

DİLÊ ŞIKESTÎ

(Poêzîa û nivîsara vekirî)

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

(Стихи и проза)

Алматы
2016

Barîê Bala

DÎLÊ ŞIKESTÎ

Данный сборник «Dîlê şikestî» («Разбитое сердце») — десятая книга талантливого курдского поэта и писателя Барие Бала.

Его первая книга «Dinya min» («Мой мир») была издана в Ереване в 1974 году.

В 1994 году вышла в свет вторая книга под названием «Kuda herim» («Куда идти»).

В 2008 г. — книга «Dîlbera min» («Моя Дильбар»), посвященная любимой жене Дильбар, которая ушла из жизни в 1996 году.

Следующая книга «Dayîk» («Мать»), посвященная его матери, была выпущена в свет в 2009 году.

В 2011–2012 гг. были изданы две книги — «Kulîlkên neçîlmîsî» («Незавядшие цветы», 2011г.) и «Deh bûyer» («Десять событий», 2012 г.).

В 2014 г. была издана книга на русском языке «Я и одинокий голубь».

В 2015 г. — «Zerdeştê kal» («Старец Зардашт»).

При содействии Союза писателей Курдистана в Дохуке (Южный Курдистан) издается сборник стихов Барие Бала «Bijare» («Избранное»).

За свой труд во благо своего народа и своей Родины Барие Бала был принят в члены Союза

писателей Курдистана (PENa KURD), а в 2014 году он был признан одним из лучших курдских поэтов современности и удостоен премии имени Ахмаде Хани.

Книги Барие Бала включены Курдским институтом языкознания в каталог книг города Париж (Франция) — достояние курдской культуры.

Çend gilî derheqa Barîê Bala

Barîê Elîyê Paşê – Barîyê Bala 1937-ê salê li Rêspûblîka Ermenîstanê, nehîya Massîsê, gundê Demirçîyê da malbeteke Kurde pir sadeye da hatiye dinê. Bavê wî Elîyê Paşayê Miho, dayka wî Qaza Evdoyê Bişoye. Ewana gundîyêd gelekî kedhez bûne. Tenê bi keda destê xwe jîne. Hevt law û keçeke wan hebûye.

Bavê wî 1943-salê şerê Cihanê duda da çawa şervanekî egîd şehîd dikeve. Dayîka wî 1982-ê sale dinya xwe diguheze. Barîyê piçûk bin tore û telîmê birayê xweyî mezin – Hecî Mehmedemîn da mezin dibe. Ew mirovekî pir dîndar bûye.

Barîyê Bala 1958-ê salê dibistana navîn xilaz dike û bajarê Yêrêvanê da qebûlî zanîngeha (înstîtût) dewletêye pêdagojîyayê ser navê Xaçatûr Abovyan dibe, para dîrok û filologîyayê bi zimanê Azerî.

1963-ê salê zanîngeh xilaz dike. Dibe xweyê xwendina bilind û dereca dersdarêd dibistana navîn distîne. Çend sala ew dibistanêd navînda karê xweyî pêdagojîyê dimeşîne.

1970-ê salê bajarê Yêrêvanê da zanîngeha dew-
letêye dersdar hazirkirinda çawa mudurê kabînetê
dîrokzanîyê kar dike.

1975-ê salê nehîya Massîsê da dîrêktorê dibistana
navîn, paşwextîyê eynî nehyê da dîrêktorê Malhebûna
gundîtîyê tê kivş kirinê. Ew salêd dirêj nehîya Masîsê
da mufetîşê perwerdê dibistanê navîn şuxulîye.

Şerê Qerebaxa çiyara girêdayî 1989-ê sale ew jî tevî
hemu Kurdêd musulman ji Rêspûblîka Ermenîstanê
dertê û tê Rêspûblîka Azîrbêcanê. Bajarê Bakûyê da
nehya ser nave Nerîman Nerîmanov da dîsa mufetîşê
dibistanêd navîn dixebite. 1998-ê sale dertê kara edilî
(tegawidê).

Ew wedê ku şagirtê dibistana navîn bû, helbestêd
zaroka dinivîsî. Helbesta wîye ewilîn 1957-ê salê bi ser
nivîsara «Dayîka min» rojnama «Rîya Teze» da hatiye
weşandinê. Ew paşê helbestêd xwe ser hîmê mijarêd
(têma) cure-cure dinivîse – welathezî, rewakirin, hub û
hezkirin, lîrîka, hezkirina ber tebîetê, helbestêd zarokan
û helbestên satîrîk, poêma (Gelê Qazax, Nado û Narê,
Gelto, Paşa û Belgîzar, Çar emir çar demsal, Cemîle,
Zerdeştê kal û yed din), pexşana (Dayîka Werdek û ke-
virê reş, Nado û Narê, Bila dilî dilbe, Ez û kevotkên
tenê, Seyran, Miho û Têllî), çarxet (bayatî) û gelek mi-
jarêd din. Xênî wî Bariê Bala bi sedan mesele û me-
teloka, leyîstikên Kurdaye cuda-cudaye zargotîye mi-
jûlîye kevnar, gotinên kal û bava, kilamêd gelê Kurde

kevnar,çîrok û hîkyata, pêkenok, têderxistinoka salan-
va beravkirye.

Piraniya helbestên wî rojnameya «Rîya Teze», «Dengê Kurd» û «Jîyana Kurd», «Ev Roj», «Nûbar», «Diplomat» û yêd dinda hatine weşandinê. Helbestêd Bariê Bala tercûmeyî gelek zimanêd dinê bûne – Êrisî, Azerî, Ermenîkî, Qazaxî, her wiha kovar û rojnameyên van zimanan da hatine weşandinê.

Bariyê Bala xwedanê neh pirtûkane.

Pirtûka wîye yekê 1974-ê salê Rêspûblîka Ermenîstanêda bi navê «Dinya min» derdikeve.

1994-ê salê li Rêspûblîka Azîrbêcanêda pirtûka duda «Kuda herim» tê çap kirinê.

2008 salê pirtûka sisya «Dîlbera min» kîjan ku rewai kulfeta xweî pir hezkirî Dîlbera Balara kirye bajarê Bîşkêkê da (Kîrqiztan) tê weşandin.

2009 salê pirtûka çara «Dayik» kîjan ku helbestvan rewai dayka xweî emekdar û zehmetkêş Qaza Evdoyê Bişo dike rûyê dine dibîne.

2011-2012 salê bi alîkarîa nivîskar û lêkolînav Hejarê Şamîl du pirtûkêd wî «Kulîlkên neçîlmisî» û «Deh bûyer» dertên.

2012 salê bajarê Dohûkêda (Kurdîstana Başûr) bi alîkarîya Yekîtiya Nivîskarêd Kurdistanê pirtûka helbestêd Bariê Bala «Bijare» tê weşandinê.

2014-2015 salê bi alîkarîya endamêd Yekîtiya nivîs-
karêd Ermenîstanê û endamêd PENa Kurd Nûrê û

Zera Serdaryan li bajarê Yêrêvanê dû pirtûked nû «Ez û kevokê tenê» û «Zerdeştê kal» dertên.

2005 salê helbestvan tê jibartin ça endamê PENa Kurd û 2014 salê xelata bi navê Ehmedê Xanî distîne.

1999 salê Barîê Bala tev malbeta xwe bar dike Qazaxstanê, bajarê Alma-Atê. Hetanî niha jî ew wedêrê da dijî û bi aktîvî tevî jîyana civakî dibe. Ew rûspûê olka kurdaye li Qazaxstaneyê. Du lawêd wî – Elî û Anar, û çar neviê wî – Letîfe, Qadir, Medîne û Nûrhan heye.

ОБ АВТОРЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Барие Бала – Балаев Баро Али оглы, родился в 1937 году в селе Демирчи Масисского района Армянской ССР. Курдский поэт, писатель и драматург.

В 1943 году, когда ему было 6 лет его отец погиб в Великой Отечественной войне. Воспитание будущего поэта берет на себя старший брат – Хаджи Мухаммадамин, человек очень верующий и уважаемый в народе. О своих тяжелых годах детства Барие Бала рассказывает в своем стихотворении «Я – Бари»:

**Прошло мое детство в слезах и печали:
Войной обделенный, я рос сиротой
Мы ждали отца, ах, как мы его ждали!
Несбывшейся он оставался мечтой.**

(Вольный перевод М. Стукалиной)

Трагедия ребенка, потерявшего отца, тоскующего по нему, нищета и голод в те тяжелые годы войны оставили глубокий след в его будущей жизни.

ни. В своих стихах Барие Бала всегда выступает против войны и насилия, за мир, спокойствие и благополучие.

«Будь проклят будет Гитлер – варвар и дикарь!» – пишет он в том же стихотворении. Наряду с Гитлером он также проклинает Саддама Хусейна, на чьей совести полтора миллиона загубленных курдских душ.

Судьба дядюшки Рашо, главного героя пьесы «Я и одинокий старик из Халабджи с разбитым сердцем», показывает всю трагедию курдского народа. Старик в результате безумства варвара и убийцы, стёршего за несколько минут целый город с лица земли, как и десятки тысяч людей, в одно мгновение теряет все – дом, семью, родственников, Родину и становится скитальцем и изгоем. Лишь к концу жизни, пройдя через нечеловеческие испытания, ему удастся вернуться в свою любимую Халабджу. Только один черный камень, который он когда-то положил, остался от его прежней жизни, от его дома, семьи, многочисленных родственников и друзей:

– Я останусь со своей семьей, со своим домом! Я хочу обнять каждого из них, пообщаться, поплакать над ними. Рассказать им все, что накопилось у меня на душе за эти годы. Я с этих мест больше никуда не уеду! Все послед-

ние годы я ждал этого мгновенья! – говорит он Барие Бала, пытавшего успокоить и увести старика.

Он умирает в обнимку с этим камнем. Камнем, ставшим укором для всего мирового сообщества, долгое время умалчивающего и прикрывающего геноцид курдского народа.

В своем стихотворении «Мировая общественность, прошу Вас, все соберитесь здесь» поэт вновь обращается к миру:

**На помощь! Спешите! Услышит пусть каждый!
Идите сюда! Кто пеший, кто скачут
Пусть за шахидов – героев наших
Ваши сердца с нашими плачут.**

(Художественный перевод с курдского на русский А. Хафизова)

Геноцид курдов езидов в Шангале, который совершили головорезы из ДАИШ (ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванты) вводит поэта в шоковое состояние, он призывает мировое сообщество не быть глухими и немыми, как когда-то это было во время трагедии Халабджи.

**Что творит ДАИШ? Смотрите!
Услышьте, кричите! Что оставим потомкам?!
Кровь моего народа пролита,
Течет, как река бурным потоком.**

(Художественный перевод с курдского на русский А. Хафизова)

Десятки тысяч курдов вновь вынуждены бежать из своих домов, стать беженцами и изгоями. Это не ислам, говорит он, не надо свои зверства прикрывать религией. Хватит под разными предлогами уничтожать мой народ, ассимилировать их, присваивать их земли, культуру, историю и национальных героев.

**Откроем глаза пред историей нашей,
Мы Аюбидов внуки – примите!
Войнами снова Восток охваченный
Вновь курды народы освободите!**

(Художественный перевод с курдского на русский А. Хафизова)

В стихотворении «Что такое единство» поэт призывает курдский народ к единению:

**Единство горы растапливает,
Моря, океаны распатывает,
Темные тюрьмы ломает,
Врагов на колени ставит.**

(Построчный перевод Анафе Барие Бала)

В стихотворении «Перед могилой бессмертного лидера своего народа» поэт склоняет голову перед могилой великого сына курдского народа, легендарным генералом Муллой Мустафой Барзани. Человека, всю свою жизнь посвятившего служению своему народу, называя его «факелом свободы» и «путеводной звездой».

Тема любви к родине, жертвы ради нее, красной нитью проходят во многих стихах, поэмах и рассказах Барие Бала.

Наряду с патриотической тематикой, в произведениях поэта также широко освещаются темы Великой Отечественной войны, любви к матери, философские размышления о сущности человеческого бытия, социально значимые темы, в частности, роль и положение женщины в курдском обществе, где он выступает против заключения насильственных браков и призывает курдскую молодежь учиться и получать достойное образование.

Барие Бала также является большим знатоком курдских обычаев и традиций. Им были собраны более тысячи народных пословиц, сказок, сказаний, поговорок, идиом, скороговорок, загадок, благословений и проклятий.

Его перу принадлежат десяток детских и сатирических стихотворений и рассказов, посвящений (rewakirin), пьес, поэм переведенных на многие языки мира – русский, армянский, азербайджанский, турецкий, казахский и другие языки.

Барие Бала является автором девяти книг.

Первая его книга «Dinya min» («Мой мир») была издана в Ереване в 1974 г.

В 1994 году вышла в свет вторая книга под названием «Kuda herim» («Куда идти?»). В ре-

зультате Карабахского конфликта в 1988 году между Арменией и Азербайджаном, армяне с Азербайджана уехали в Армению, азербайджанцы переехали в Азербайджан, курды вновь остались, не зная «Куда идти?».

В 2008 г. была издана книга «Dîlbera min» («Моя Дильбар»), посвященная любимой жене Дильбар, которая ушла из жизни в 1996 году.

В 2009 году – книга «Dayik» («Мать»), посвященная матери поэта. Женщине, всю свою жизнь, отдавшей своим детям. Вырастившей их в тяжелые годы войны без мужа достойными людьми.

В 2011–2012 гг. выходят две книги – «Kulîlkên neçilmişî» («Незавядшие цветы» 2011г.) и «Deh bûyer» («Десять событий» 2012 г.). Неоценимую помощь при издании книг оказал сын известного курдского поэта Шамиля Аскера – Хажаре Шамиль.

В 2014 году под редакцией Зары и Нуре Сардарян (членов Союза писателей Армении) в Ереване была издана книга на русском языке «Я и одинокий голубь».

В 2015 г. также в Ереване издается книга «Zerdeştê kal» («Старец Зардашт»).

При содействии Союза писателей Курдистана в Дохуке (Южный Курдистан) издается сборник стихов Барие Бала «Bijare» («Избранное»).

Стихи поэта не раз печатались и печатаются в газетах и журналах – «Рия Таза», «Данге Курд», «Жияна Курд», «Курдистан», «Эв Рож», «Нубар» и других.

Книги Барие Бала включены Курдским институтом языкознания в каталог книг – достояние курдской культуры, – в городе Париже (Франция).

Наряду с творческой деятельностью Барие Бала также является видным общественным деятелем.

В годы проживания в Азербайджане он работал вице-президентом курдской ассоциации «Якбун» по развитию языка и литературы.

Переехав в 1999 году в город Алматы (Казахстан), его назначили председателем старейшин курдской общины в Казахстане.

В 2005 году он был принят в члены Союза писателей Курдистана (PEN KURD), а в 2014 году его признали одним из лучших курдских поэтов современности и он был удостоен премии Ахмаде Хани.

Ныне поэт живет в городе Алматы. Имеет двух сыновей – Али и Анар, четырех внуков – Лятифа, Гадыр, Мадина и Нурхан.

HELBEST

- HUB Û HEZKIRIN
- WELATHEZÎ
- REWAKIRIN
- ŞÎRET
- ÇARXET
- ÇEND GOTÎN Û FÎKRÊD
MÎNE FELSEFÎ, PÎR MENE

HUB Û HEZKIRIN

KEÇIKA BÊ ÎSAF

Agirê te, şewitandim,
Agirê min, te kar mekir.
Dor mala we pir çûm, hatim,
Te carekê banîm nekir.

Tu kevirî, ez agirim,
Her pîşka min alaveke.
Pêş alavê ez nagirim,
Merhemet be, deyax bike.

Hatî dinê tenê boy min,
Bese ezab tu bidî min.
Her ezabî dawîk heye,
Her dawîkê rewşek heye.

Jêrê erde, jor Xwedêye,
Fermana wî heq eseye.
Ew bext, jîna min û teye,
Biqedîne, emrê wîye.

HEZKIRÎA MINE EWIL

Sibê bibe mêvana min,
Pîroz bike roj bûna min.
Ji inyata dest vekşîne,
Boy tew bûya biborîne.

Rojên çûî meyne bîre,
Bûme kal, tu bûî pîre.
Hub kulîlka timê tere,
Şev-roj tevî te digere.

Heta dawyê hogra teye,
Ruhe, cane, xwîna teye.
Wekî bigrî tu qedrê wê,
Rojên şîrîn qet naçîn bê.

Nika îdî îsaf bike,
Xemên dilêm sivik bike.
Tev min bike ken, heneke,
Barê giran min azake.

Qasek runê tu cem mine,
Dinyake nû bide mine.
Huba paqîş, qet pîr nabe,
Çiqas dice, hê gur dibe.
Dîsa bibin em cîwane,
Şabin, şabin, hela hene.

Nava dilda reh davêje,
Ne telp digre, ne qirêje.
Dema diçî axa sare,
Ew jî cem te digre ware.

Memê Alan, Zîna delal,
Şêr Sîyabend, Xeca helal,
Memê mêrxas, Eyşa stu gaz,
Boy huba xwe çûn bê miraz.

Gel bîrnake zûrya wana,
Xweî dike ser zimana.
Bila huba min û te jî,
Dilê gelda time bijî.

* * *

Heyf, heyf, sed car heyf,
Huba zelal bûye zeîf.
Silsileta nû hatîe,
Erf û edet avîtîe.

Nika îcatek nû hatîe,
Rûê dinê hingavtîe.
Hemû wîrda hev hez dîkin,
Hemû wîrda hev derdîkin.

Kî ça dixwaze, usa dike,
Dirêj dike, him kin dike.
Kes pîrsnake, kanî xîret?
Kes pîrsnake,- ça bû qîret?

Roja yekê hev hez dîkin,
Roja duda hev nasnakin.
Hub bûye osin-osine,
Roja sisya yekî dine.

Naka dewir wa hatie,
Rusqet ketye dest çûkaye.
Ya Rebbê jor, were rehmê,
Erdê hilde vê telîmê.

Mezin rûnên şûna xune
Piçûk herin kêra xune.
Erf û edet derên holê,
Her tişt bibe nolî berê.

WELATHEZÎ

PEYMANA “ROJA REŞ”

Ev peymana dîrokêda peymana Sayks – Pîko tê naskirinê.

1916 – salê dewleta Îngilîs, Fransa û Rûsîa nava xweda vê pêymanî dizî makdikin. Berî wî 1915 – salê 10 nîsanê ew hevdu razî dibin. Gotî, piştî şerê Cihanê yekî karkirina Împêrîa Osmanîê bidine dasekinandinê. Rojhilata navîn nava xweda par-parî bikin. Paşwextîê dewleta Îtalîaê jî tevî vê peymanê dibe.

Lê girêdaî destpêbûna Şoreşa 1917-salê, meha sibatê Rûsîa jî vê peymanê dertê.

Ser hîmê vê peymanê Kurdistanê pareveî çar paran dikin. Parek digêje dewleta Turkîaê, parek – Îran, parekî didine Sûrîaê, dewleta Sûrîaê çêdikin, parekî jî didine Îraqê, dewleta Îraqê çêdikin.

Ev peymana dîrokêda boynet kurda – PEYMANA ROJA REŞ tê naskirine.

A, boynet we yekî jî kurd heya nika zulm û zelûlê dikişînin. Nikarin wê peymanê biteribînin. Ez vê peymanêra bûme nas. Zendegirtî bûm. Ev helbesta tijî kedere, xeme, bê îsaf nivisî. Xwest hemû kurd vê pêymanêra bibine nas, rezîlîa vê pêymanê bibînin. Bizanibin, neyarên me çi anî serê me kurda. Bibine yek miqabilî neyarê xwe, tevî hevdu şer bikin.

Yekbûn çîa dihelîne, okêana dimiçqîne!

* * *

Ya Rebbê jor. bêy te ferman nazil nabin,
Hemû bûyer, qet tu miraz, hasil nabin.
Hemû hişa tijî dikî, vala dikî,
Hineka kêr, hineka jî zêde dikî.
Destê xweda şûr û gulek te girtine,
Rehma te pir, hukmê te zexm, çekên tene.
Gul - nîşana kêfê, eşqê, şaiêye,
Şûr – nîşana belengazyê, koletêye.
Gul te tew gelara xelat şandîye,
Şûr boynet me heta îro xweîkirye.
Gelêd dinê nav şayada firnaq dibin,
Pê wî şûrî heta îro em qut dibin.
Kengê te kêf, bextewarî par kirine,
Em wê demê bîra te zû derketine.
Lema îro em dikişînin evê zulmê,
Rojeke xwaş me qet nedît li vê dinê.
Xwezil, dewsa niftê te kevîr bidana,
Ser erd, bin erd ev xeznana qet nedana.

Ev hebûna li serê me bûye qisas,
 Em kirine kolê, birçî, him jî pêxas.
 Neyarê me, xwînxwarên me dibin cote,
 Zulmê ser me zêde dikin qat bi qate.
 Dema Sayks – Pîko pêymanî reş mak kirin,
 Welatê me nava xweda par-par kirin.
 Ranebû, te hukme xwe elam nekir,
 Çavên wan kor, dest – zimanên wan jênekir.
 Axa daykê kirin tîş-tîş, em zelûl bûn,
 Lê rûniştin, xezne birin, îdî ne çûn.
 Ji xwîna me çem û behr tew bêzar bûn,
 Roj pey roja goristanên me zêde bûn.
 Bese, bese, nika li me were rehmê,
 Pê wî şûrî em qut bikin rehê zulmê.
 Welatê me bibe aza, serfînyaze,
 Em derkevin rojeke nû, emrê teze.
 Neyarê me ku hatine, herne wire,
 Kavil bike şûn hêlîna gurê gewre.
 Dinya bibe rihet, berx, gur tev biçerin,
 Dergûş birçî, bê dê, bê bav qet mezêrin.
 Teyîb rîa Hîtlêr, Seddam bidomîne,
 Şûrê heqyê stuê wî zû hilqetîne.

AX, SEDCAR, AX, KEDERA, SER KEDERÊ

Gelî bira, Şengal diçe,
Destê xwe jê venekşînin.
Kesek cîkî cuda meçe,
Heta xwînxar wê mestînin.

Şengala me delale,
Nav namûse, engale.
Ronaya herd çavane,
Gel bê engal, çirane?

Şengal zare, zimane,
Nişa ruhê kurdane.
Dayka tere, cane,
Gel bê ziman, çirane?

Şengal tacê zêrîne.
Wek wê şeref tunîne.
Him dile, him bedene,
Gel bê şeref, çirane?

Şengal hêlîna meye,
Ziyaret, qulba meye.
Erf û edeta meye,
Gel bê qulbe, çiraye?

Culet, hinirê meye,
Şewq û şemala meye.
Axa kal-bavê meye,
Gel bê axî, çiraye?

* * *

Kulîlkeke zef tenike,
Bila xwînxar wê qutmeke.
Bin pê xweî heramda,
Mehecqîne, pêpez meke.

Qîret, qedrê gelê meye,
Bilindaya serê meye.
Bê wê emê şermezarbin,
Nav gelada serberjêrbîn.

Îzna meê qet tunebe.
Mêranîê hewal bidin.
Rewş dîroka me kurdane,
Gel bê dîrok, çirane?

* * *

Ew kesê bê qîrete,
Zilekî be qîmete.
Delalê dest bernedin,
Gel bê qîret, çiraye?

PARA DUDA

Gelî bira!
DAÎŞ zûda Îslam nîne,
Bê şerefe, qetil, xwîne.
Ellah dibê, kavil dike,
Ekber dibê, stu jêdike.

Agir dibarîne jêrda,
Wa Îslam tune, tu erda.
Ew gurekî gewrî hare.
Xuluqîe, zulumkare.

Bê murwete, bê îtbare,
Eman, eman, qet mehêlin,
Ew ser keçên meye xilfîn,
Bike kêfe, eşq, bazare.

We ew dew-doz pir dîtine,
Ev jan û êş kişandine.
Lawê Kawe, Rustem, Berzan,
Guhderz, Qazî, şêr Ocelan.

Bok Sulheddîn rewşa mêran,
Mehîşt Îslam bibe weran.
Ber neyara ne tewyane,
Bûne leheng, zexm meşyane.

Navê wana xirav mekin,
Xwînxarara tev hev şerkin.
Rabin, rabin, hemû rabin,
Derba qotên wanda lêdin.

Armanca xwe biqedînin,
Şengala me jê bistînin.
Deme, stuê wê qut bikin,
Gorra sarda zû çel bikin.

Bila rêça wê nemîne,
Dinya rehet bîn bistîne.
Welat bibin gul-gulistan,
Dostî bijî hemû deran.

Ezmanê me bibe zelal,
Kedkar bikin keda helal.
Sêwî mekin zare-zare,
Kal-pîr nebin bê sitare.

Welêt derên berf, bagere,
Demsal bibin geş bahare.
Bajar û gund nebin wêran,
Xwîn mekiye li tu deran.

Vebin riê tew sînora,
Dîlan bibin hemû dera.
Destê neviê xwe bigirim,
Kurdistanê biewirim.

Çok vedim pêş Rebbe jore,
Şikir bikim hezar care.
Têr-têr maçkim ez axa xwe,
Pîroz bikim welatê xwe!

EM PENABERIN

Behra mera tenê jere,
Behra me lel-cewahire.
Mera bircada cî dikin,
Dergê piçûk me venakin.

Rebb, çermê jûjî me kirye,
Kî bûna me bîrkirîye.
Jûjî ji me bahatirin,
Pîjên me, yên wî tûjtirin.

Em penaberin, penaber,
Welêt derin, xwelî ser.
Bê perbaskin, bê sitar,
Bê hêlînin, him stuxar.

Çîa-banîa digerin,
Bê menzîlîn, kuda herin.
Bê piştovan, bê hevalin,
Nav xemada bê delavin

Şeva, roja dilûvînin,
Goristana hevdixînin.
Her çar qulba, hemû erda,
Dostekî baş naê derda.

Şîn – şepûle, dil birînin,
Sêwî, sêfil digalînin.
Zaxê sarda xwe vedşêrin,
Xênî gurê gewre xaîn,
Terewila dost dibînin.

Pê sirûke, tîrse, xofin.
Zûda mirne, em ne saxin.
Li ser rîa tengezarin,
Dê û xûşkên xwe digerin.

Dil mereze, jan giranin,
Dîl, koleye, bê îmkanin.
Pir cumerde, qehremanin,
Bê rû, rûmet, bê mêvanin.

Belgîê me—kuç, kevirin,
Lihêva me ewrê şilin.
Bin me qeşav, axa sare,
Xwedê dikin em heware,
Penaberin, em penaber,
Welêt derin, em xwelîser.

Nanê tisî tune buxun,
Ava zelal qet venaxun.
Paryê şîrîn me bîrkirye,
Îdî nizanin goşt çîye.

Pîne-star, cilê mene,
Sirîn zûda solên mene.
Zêre – zêra zarên çûçik,
Dil – hinava dikin piçûk.

Kuda diçin, me derdikin,
Qelf – tinaza li me dikin.
Kî bûna me, me pîrsnakin,
Bê şerm dibên: ”em we naznakin”.

Murvên dinê korin, kerin,
Demek li me venagerin.
Vî halê me ew nabînin,
Me vê zulmê dernaxînin.

Dergûş bê şîr disewiqin,
Pîr bê kefen defin dibin.
Penaberin, em penaber,
Welêt derin, em xwelîser.

Penabertî bûye du par,
Hinekara dikin sitar.
Ew bê arê vê dinêne,
Dewa wana parî nane.

Xwînxwar welêt em kirine der,
Loma bûne em penaber,
Wî em kirine vî halî,
Ji me sendîe hemû mal-cî.

Lê em ji kê rica bikin?
Kê hîvîkin, kê ban bikin?
Bêjin, bêjin, îsaf bikin,
Heqye daynin, rast hel bikin.

Werin, werin, me ar bikin,
Mesekinin, çarek bikin.
Em ji kesî tiş naxazin,
Tenê heqê xwe dixwazin.

Bese bibin em penaber,
Bese bibin ji welêt der.
Derî, derga ber me vekin,
Zulma qurna me azakin.

Em jî rûnên ser axa xwe,
Şerm mekin pêş dayka xwe.
Ew jî eşq-şa bîn bistîne,
Dawîa xwe baş bibîne.

MÊVANÊ BAN NEKIRÎ

Rica dikim, dûrîm here,
Bê dem hatî, min vegere.
Hîvya emrê Rebbê jorim,
Sekinîme, xwedî dorim.

Ez deyndarê gelê xweme,
Çi pêwîste, min nedaê.
Qet şa nebe, benda teme,
Tucar terra naêm raê.

Hene gelek karên nivcî,
Molet bide, temam bikim.
Xezna gelê xweye tijî,
Hinekî lê zêde bikim.

Dubar herim welatê dê,
Şên bibînim tew Kobanê.
Şengalêda bê tirs rûnê,
Ji Mosilê paşda neêm.

Keç û xorta cot bibînim,
Pîr û kala şa bibînim.
Dê, bav bikin keda helal,
Ezmanê me bibe zelal.

Ala kesk, sor, spî hilbirînim,
Cîkî bilind danikînim.
Mirazê me hasil bibe,
Nav alada ew ba bibe.

Ez vê cejnê pîroz bikim,
Sed car, sed car şikir bikim.
Wê dem bibe mêvanê min,
Pê-parê te ser çavên min.

Ez tu bibin hogirên hev,
Qasek qalkin em tevî hev.
Binax bibim axa dê da,
Rihet razêm gora sarda.

Li nexweşxanêda, piştî opêrasîaê ez ketibûme halekî pir giran, loma jî min ev helbesta nivîsû. Rast bêtî, îdî bawer nedikir, wekî ezê dubar vegerime jîyana nû.

Ji emrê bê welatî, bê tebîbî, bê îlac, dilekî zelûlî, kewgirî nivîsî. Lê nika hezar carî şikir bûna xwe Rebbê jorînra tînim, wekî ezî dîsa eşq û şaî nav malbeta xwe, nav hevalên xwedame. Ji welêt jî bersîvên baş dibihêm.

Rehma Xwedêye gelekî pire.

Ya ew dizane, kesek nîzane.

TEYRÊ BAZ

Ez koleme, tu azaî, wekîl nefsi,
Ezmanê şîn dimilmilî, bê xof, tirsî,
Bextewarî, ça dixwazî, usan dikî,
Cîkî quve, germ hêlîna xwe çedikî.
Gelî, oymax tim digerî, fedî nakî,
Dinya fire têr dibînî, mêze dikî.
Tew bînbera min kirîe hîvî, rica,
Jan-êşên min, qise bikin hemû qenca.
Kesek minra nabe hogir, alîkare,
Nagrin destê hovî, xwînrej, zulumkare.
Bawerim, tuê rica min qebûl bikî,
Zexm biqîrî, tew razaya hişyar bikî.
Neyarê min bilerizin, xwe şaşbikin,
Ji axa me, wê birevin, bisilikin.
Nolanî te em jî bibin îdî aza,
Xalî bibin qira, quta, dewa, doza.
Hinek, hinek hêsa bibin, bîn bikşînin,
Şîn-şepûlên bê dem hatî dût bimînin.

REWAKIRIN

HECÎ XANIMZER

Rewaî kulfeta biraê xweî mezin Hecî Xanimzera
Sofî Mehem-medê Bazoê Elo dikim. Biraê min – Hecî
Mehmedemîn minra bavitî, wê jî dêtî kirîye. Ez emekê
wêî paqîşî zelal tucar bîr nakim.

Dêda bûî, demsaleke pir rû xweşda,
Xêr û xezne dibarîan ezmanada.
Xemilî bû can – cesedê tebiyetê,
Hemû bînber derketibûn kar, xebatê.
Bê lêdida mêrg û zevî pêl-pêl dibûn,
Kew, bilbila gulistana şûn danîbûn.
Şev roj zûda îdî bûbûn weke heve,
Sosin, rihan ketibûne rêzê tevî heve.
Çem-kanîa awazê xweş digalandin,
Dê xezala karik dû xwe digerlandin.
Sofî Mehmed boy bûna te şadibû,
Meta Amne bask vedida, fîrnaq dibû.
Şabûn, gotin: - Keça me, lap Xanimzere,
Xwedê wê xem-kedera bike dûre.

Qenc û xirab sal buhurîn bê çilk, denge,
 Bûî givre, xezaleke geş, çelenge.
 Geleka tu begemkirî, şandin xazgîn,
 Lê hukmê xwe neguherî Rebbê jorîn.
 Xeleqa te, birê min hev hilkişand,
 Bextekî tîlanî şimşet, wera par şand.
 Bûî dayka gelek xortên xas, bijare,
 Çavnebara got: - Ev çi xezne, çi pare?
 Şeş lawava ocaxê me te pir şênkir,
 Nav êlêda nav û dengê me bilindkir.
 Xem xuriêva bûî dayka pir bêkesa,
 Nanê xwe da sêfîl, sêwî, qet ne nasa.
 Çûî Hecê ava Zem-Zem te têr vexar,
 Tîm sucdekir wê zîyareta sîe sitar.
 Tew lawên te îro bûne pir merîfet,
 Nava gelda qazanc kirne pir-pir hurmet.
 Ferzende, Evdille, Qasim, Mûsa, Xelîl,
 Şervanê azadîê Qehreman Celîl.
 Ruh û canva hemû bûne welatheze,
 Serxwebûn boy wan bûye şîrîn, reze.
 Emekê te behra xwe da, tu serfînyazî,
 Nolî neynûkê bê çilkî, ser evrazî.
 Te emrê şîrîn da dinya neheqe,
 Rûspî, bêçilk, tuê herî dinya heqe.

MIRINA BÊ DEM

Rewaî ruhê pismam û hogirê xweî pir hêja,
helbestvanê eyan, xizmetkarê çand û kûltûra
gelê xweî ne westîyâî
Hesenê Hecîsilêman dikim

Hey mirin, wey mirin, bê îtbar mirin,
Em sîyar, tu peya, me digrî mirin.
Em hene, em dijîn, dizêrin mirin,
Carekê tu ji me dûr here mirin.

Te dîsa li me xist, derbeke kûr, giran,
Bê dem ji me stend Hesenê Hecîsilêman.
Xwedanê xastin û kirinê baş, mezin,
Nehîşt wan biqedîne bi dîl, bê gazin.

Tebîet girya, hejya, kir zare-zar,
Ewr - ezmana hêsrên şewat anîne xar.
Av tevîzî, îdî nekir guşe-guşe,
Çîa xwekir libasekî terî reşe.

Sorgul zer bûn, sosin, rihan mane pejmûr,
Qerenfîla bejn tewand, sûsen bûne hûr.
Kew, bilbila şewat - şewat kirin gazî,
Dar çilmisîn, belg weşandin, mane tezî.

Geş şivana bilûr danîn, dayka lûvand.
Keç û xorta boy kewa te bilind zîvand.
Tenbûrvana têtê tembûr nelivandin,
Dengbêj, qewal bûne zelûl, ne kakandin.

Kevok firîn, teyrik tûya nihêrî dû,
Nalyan, gotin: - Zarzanê me çîma zû çû?
Xezal ne çûn mêrg – çîmana hevzuldirîn,
Kar xezala şîr ne mêtin, kirin kalîn.

Mirina te gel ra anî keser, kudret,
Ev nav-denga her kesîra nabe qismet.
Dê da bûî tîfalekî piçûkî hûr,
Dema çûî, bûî helbestvanê zaneî, kûr.

Dilê gelda tuê bijîy dewran-dewran,
Namrin, dijîn zaneê gir, him helbestvan.
Gelê meî qedir hezî, sîyanete,
Wê kulîlkên al tim, dayne ser gora te.

*Dilekî xemî, pir keserî westîyaî
Barîê Bala*

NAMA ŞABÛNÊ DOSTÊ HÊJARA

Tahar, biraê minî pir emekdarî, delal û hêja. Şabûneke gelekî mezine, wekî rojnama “Dîplomat” nava agir, alava çi kete ber dişevtîne, dike rijî, diçilmisîne, nolanî kulîlkeke pir bînxeşe, bedew bilind bûye, reh avîtîye cara 363-îa rûê dinê dîtîe. Gihîştîye emrê xweî kamil bûnê. Bîna wê tew Kurdistanê meye rengîn hildaye. Bûye hezkirîa her kurdekî welatparêz.

Sed eferim! Welle tu mêrekî sed mêranî! Hed hesedêd şabûna min tunene!

Te pîroz dikim, qehremanî, qehreman!
Hêr dê naynin şivêta te palewan.
Nişa xasî, şika min tune sedî sed,
Boynet kurda nehatine tu delav, hed.
Behr dikele, lêp qendala qet nasnakin
Şûrê heqyê, serê qelpa kûr jêdikin.
Her pîşkeke te top, gulla qewetire,
Agirê zexm, eqara xwe derdikeve.
Tîm pişta te bisekine Rebbê jorîn.
Li oxira te neên xanê kevir, sirîn.

*Bi dilekî hezkirî, hêja Barîê Bala
Endamê tifaqa nivîskarê
kurdê dinyaê – «Pen KURD»
10.10.2016 – salê
Bajara Alma-Atê*

KNYAZÊ ÎBREHÎM, PIRTÛKA TEYE NÛ PÎROZ BE

Rebbê jorîn dema benda dixulqîne,
Boy her yekî qalibekî nû dibîne.
Hine qaliba cewahir tijî dikê,
Hineka jî vala dihêle, tişteke nake.
Qalibê te lel û durva tijî kirye,
Bi destî xwe ev maqûlî terra daye.
Lema usan aqilbendî, şerezeî,
Destemelî, ulumhezî, pir zaneî.
Esilbavî, toredarî, helbestkarî,
Behra ulmda avjenekî pir pergarî.
Tew kêlmên te, pir menene, hingiv, qendin,
Boy mervayê heqin, rastin, paqîş, rindin.
Gelek welat, bajar, gunda ez geryame,
Tev pirzana, rewşenbîra hevpevyame.
Wek te zane, welatparêz min kê mîne,
Ev dilgermî cem geleka qet tunîne.
Paşla gelda mehekîyî, hasil bûyî,
Serbilindî, bersîvdarê gelê xweî.
Ders hildaye Herîr, Feqî him jî Xanî,
Hinirê xweda timtêşa Ocelanî.
Hezkinêda Memê Alî, Sîyabendê şêr,
Karkirinêda, bê tirs, xofî, egîtî, mêr.
Ev dinîya dîdemeke şane – şîne,
Her kes têda wek kîrnên xwe şûn dibîne.
Çanda gelê me xezneke şax-şaxîe,
Her şaxeke heta deve zepitîe.
Xwînxwarê me pareke wê xwera birne,
Qismekî wê bin axêda veşartine.
Pirtûka teye nû pêş xwe min danîe,

Belg- belg dikim, lel cewahir tê da heye.
Te helal be, nanê apo, şîrê metê,
Çiqas pesna dû hev rêz kim, bejna te tê.
Te gelê me dubar danî fêza gelan,
Boy wê yekê pir pêwîste huner, ziman.
Rebbê jorîn ev herd xelat terra dane,
Nav cudanda dîl vekirin pir girane.
Merramê xwe hêdî-hêdî tînî ziman,
Zarê şîrîn, pêş te vedke derge, dîwan.
Meriv heye, xemil, rewşa meryane,
Meriv heye, boydinê, barê girane.

*Barîê Bala – endamê Pên kurd
Bi dilekî bezkirîye pir paqîş.*

ÎRO DÎSA

Minê bûme, nav mitalê bê qame, kûr,
Mêzedikim tew gav-rojên nêzîke, dûr.
Dinê boy min dibe agir, him jî alav,
Geh dibe dost, geh jî dibe, delk û dolav.
Dinihêrim reh-rîçala, hemû hêla.
Valî, walî, tew soqaqê tijî, vala.
Li der-dora, şaî-şîna, hatî, çûya,
Pir murvên nû, kar kirîe, xwe pesinya.
Tarîstana, gişk ronaya hevdixêrim,
Yek, du, sê, çar, dubar, dubar dijimirim.
Dost, hogira, şêr-şenbaza ez nabînim,
Pejmûr dibim, dipokinim, dikewgirim.
Dîsa, dîsa, yek, du. sê, çar diweklînim,
Pokin, pokin, diricifim, xwe pirs dikim.
Kanî ew bok, ewan mêrxas, ewan leheng?
Çi tofana li wan hat, ne çûn dereng?
Zû bûne rêz, dane dû hev, kesek nema,
Emrê wan bû ewqasî kin, axir çima?
Kêr kirinên wane hêja mane nîvcî.
Nav-dengê wan ne gihîşte, tu qulç, tu cî.
Xwezil Xwedê jîyan hevek dirêjkira.
Kî pêwîst bû ew bihîsta, bê kêr bibra.
Qenc û xirab danya rex hev, baha bida,
Hê şûrê xwe bikişanda, yek car lêda.
Tema emir bida xanê, dem çêkira,
Murvên hêja ji vê dinê zû nebira.
Hemû eşq-şa bijîana çend-çend sala,
Rûê dinê bixemlya, nema vala.

DUA EWIL RICA BIKIM

Delalê min Letoş, Qadir, Medoş, Nûrhan,
Cavê we ron, bavo qutkir sala giran.
Par dilê min, werin keko we maç bike,
Boy jîna we Rebbê jorîn rica bike.

Rehma wê pir mezine, fikra mekin,
Wî çi daye, bişêkrînin, şikir bikin.
Hemda dirêj dil-miraza hasil dike,
Rîa emir ne tûlane, kuç girmike.

Boy jîna baş, rihêt rûnên, lez mekebin,
Helalîê, paqîşê dût mekebin.
Paşwextîê xwe bijbêrin, xar nemeşin,
Boy perî nan gel – welatê xwe nefroşin.

Welat dêye, per û baske, germ hêlîne,
Kesê bê wî timê mirye, get tunîne.
Bigrin qedrê axa daykê, bibin kedhez,
Hûn comerdbin, bijîn aza, him bê qerez.

Rebbê jorîn hîvî dikim sedî sed car,
Dîlanada bireqîsim ez bextewar.
Tim meclîsa tev bavêd we verêbikim,
Dua ewil, ez Rebbê xwe rica bikim.

NAMA BARÎÊ BALAYE TIJÎ GAZIN HEJARÊ ŞAMÎLRA, BIRAZÎA

Hatina te ez şakirim,
Weke ezman bilindkirim.
Gelekî tu raçavkirî,
Çav westîan, dem buhurî.

Ji te nehat qet tu bersîv,
Kevin çûye, nema tesîv.
Min xwest maçkim herd çavên te,
Bîna keko hildim ji te.

Te ew minra nekir qismet,
Bila bijî tim merîfet,
Ne, tu lawê kek Şamîlî,
Bi îtbarî, ruh û dilî.
Boy xatirê hemû çûya,
Te xweîdikim dilê xweda.

BÊLLA XANIM, SED EFERIM

Dota kurde kedhez, qîret,
Minra anî bêhed hurmet.
Bilind kirim weke ezman,
Çavê m şilbûn, lêvê m hejyan.

Pêş te ezî deyndarim,
Emir diçe, pê nikarim.
Şeva, roja tengezarim,
Boy Dîlbera xwe dinalim.

Were bibin em xûşk û bira,
Emrekî nû çêkin xwera.
Baqe gulê welêt bînim,
Ser destê te eşq, şa daynim,

Bibe mêvana mine delal,
Ça xûşk bira bijîn helal.
Welatê xwe têr bibînin,
Rojên şîrîn dûr nemînin.

XWEZIL

*Rewaî dota kurde welatparêz
Gulşen xanimê Mûsa dikim*

Xwezil, min tu bidîtaî cila spîda,
Pir şabûma xas xezalek hatye jorda.
Sed car, sed car, şikir bikra Rebbe jore,
Derengbejî, tera daye îdî dore.

Oxira te vekirîbe, her gav, her dem,
Nav emirda ji te dûrbîn keder û xem.
Tîm wa rewşbî, reh bavêjin rîçalên te,
Esil-başek Xwedê têxe qismetê te.

Dilovanî, welathezî, rewşenbîrî,
Xanim, xatûn, telp û fêla gelek dûrî.
Dost hogira dihebînî wek ruhê xwe,
Barê wana hergav didî ser milê xwe.

Bapîrada maye kelameke kûre,
“Şêr ku şêre, va çi jinê, va çi mêre”.
Kirinên te, wek kirinê xas şêrane,
Her keçeke kurda, zûda hevt mêrane.

Çiqas metha ez buhûnim şexsa te tê,
Xwezil lorkê tera îdî bi gota dê.
Vepesirya, rihet bûya, şêr dilê te,
Rojeke xweş, min vekira dergayê te.

BIRAZÎA

*Rewaî Helîme xanima
Mehmedê Miboê Dedoye
qedir bilind dikim*

Ev dinîa – pêlekana jore, jêre,
Ne tîlane, valaîke raste, xare.
Newaleke kaş-kerîşe bê ser bine,
Însan têda demeke kin disekine.
Hinekara hingiv – qende, av kewsere,
Hinekara xem – xîyale, gûzan, kêre.
Rebbê jorîn dema bexta par-par dike,
Him dikşîne, him dipîve, hê çê dike.
Hinek dijîn, qet nizanin ruza ça te,
Ruzaê hinka dilop-dilop nav mewtê tê.
Kes nizane, kîjan gavê çê bibe.
Kîê here, kîê meçe, kîê rabe.
Ew sêreke bê zimane, veşartîe,
Erê, naye, tenê destê Xwedêdaye.
Mekewgire, pejmûr nebe, sebir bike,
Xwedê rehme, dîleka xwe ji wî bike.
Zû û dereng, tew bûyera ew hel dike.
Rojekê jî, wê dergaê te jî veke.
Tuê rabî, nezra bidî, bê hed şabî,
Jan û êşa tuê îdî yek car dûrbî.
Pir dîlana ber derîê xwe bibînî,
Sergovendê nolî hercar bikişînî.
Kur, bûk, nevyê li dora te kom-kom bibin,
Tu, Letîfê wan mêzekin, bê hed şabin.
Her salekê navek heye, gavek heye,
Her emrekî tel û şîrîn demek heye.
Tu dawîê bihêvşîne poşman nabî,
Dermanê te wê nazil be, tuê şabî.

XWEZIL, XWEZIL, KALTÎ-PÎRTÎ QET NEHATA, TUNE BÛYA

Gelek gav – roj hatin û çûn, rêçên wan man,
Xwe nîşandan nolî avê bûn çem, kişyan.
Qismek bûn dost, qismek jî edû, neyar,
Ruh cesedê min vejandin ça gurê har.
Min ji wana gelek hilda, wana ji min,
Cefa kişand, behra xwe da emekê min.
Şev, roj, kir yek, wekî emir paş nemînim,
Vekim dergê ulme tarî, dûr bibînim.
Bûme avjeng, ser av, bin av, boy min bûn yek,
Bahar zû çûn, zivistana hîştin rêçek.
Dûr bûn nêzîk, dudu bûne sisye sirûk,
Bejn-bal xar bû, qerefat bû xêlek piçûk,
Pişt mêlbûye, por weşyaye, diran çûne,
Naz – bedewa ser min êwir guherîne.
Pî westyanê, guh nabihên, dest dihejin,
Hizî dikim, çok xwe berê dilerizin.
Gul zer bûye, av miciqye, çem nakîşe,
Hevtreng minva xanê dîkin tenê reşe.
Bilbil gulê dûrketî, gul bê bîne,
Paîz hatye, zûda çûye geş havîne.
Dest davêjim tiştek destê minva naê,
Hemû eza westîane, naên raê.
Xeîdîne, îdî ji min dûrdikevin,
Belg hişk bûne, nasekinin, xwe dikevin.
Hatî çûne, hafat, comerd kê-m-kê mane,
Der-dorê xwe mêzedikim qirşik mane.
Kuda diçim, hogirekî xwe nabînim,

Car – carana keç-kurikên wan dibînim.
Rebbê jorîn ça dixwaze, usan dike,
Murvên qencra du emir jî zef hindike,
Dawî waye, kes nizane çê bibe,
Kîê here, kîê bijî, kîê rabe.
Însan rewşa rû dinêye, berê-berda,
Bê gotna Rebb, qet tu emir naên jorda.
Emrê wîa, boy tew benda heq,eseye,
Axê hatîe, dubar diçe nav axêye.
Bendê Xwedê, çiqas dijî rûê dinê,
Agadarbe, qet bîr meke vê gotinê:
“Gîztî, xortî gula geşe,
Kaltî, pîrtî roja reşe”.

NÎYAZÊ NÎYAZ

*Rewaî lawê Axaelî pir aqil
Nîyazê Nîyaz dikim*

Gelek piçûk min dîtine,
Nolanî te kê-m-kê hene.
Dêda bû tindirûzî,
Temî, lemî, şîrîn, rezî.
Sîng fireyî, namil penî.
Poz beranî, palewanî.
Mezin be bin ezmanê şîn,
Timê bijî bi eşq, bê şîn.
Lawo, emir ne tîlane,
Bê armancî, bê xwedane.
Hene cîa, hene banî,
Ulim behre, him jî kanî.
Tu jê hilde para xune,
Rind bijbêre rîa xune.
Têda here ne çep, ne xar,
Boy tu kesî tu nebe bar.
Karê bide tu gelê xwe,
Bilind bike nav-dengê xwe.

EHMEDOKÊ ME

Ehmedokî delale,
Aqilî, him kemale.
Çapikî, çelexane,
“Nakim” – cem wî tunene.

Dişuxule roj, şeve,
Cîa dide ser heve.
Tîrsê, xofê nizane,
Him boke, him berane.

Hevalên xwe firq dibe,
Sibê zû xew radibe,
Tew dersa pênc distîne,
Ji dibistîn namîne.

Rûnermî, pirtûk heze,
Valî, walî dibeze.
Kevoka xwe qût dike,
Difirîne, kêf dike.

Hol dilîze, çawa gir,r
Lêdixe tewa rintir.
Cixelê hez nake,
Dê, bavê xwe hez dike.

DOTA ÛYGÛR FAMÎNA

Şîrîn, şerbet. hingiv, qendî,
Welle, bille gelek rindî.
Karxezala nav mêrganî,
Kewa nexşî, ruh û canî.

Dêda bûî, eslê te xas,
Şame tera ez bûme nas.
Sorguleke pir bîn xweşî,
Çavbelekî, him çavreşî.

Pir nazenîn min dîtine,
Wek te nazik kê-m-kê-m hene.
Her gulekê bînek heye,
Bîna şîrîn li cem teye.

Xwezil, xwezil, ez carekê,
Tev te bikim geş demekê.
Tema jînê dubar sihkîm,
Sed car, sed car şikir bikîm.

ŞİRET

KURÊM

Emir ave, mehêl bikiş badî hewa,
Bibe comerd, kara paqış bide tewa.
Tu wededa, wekî bigrî qedrê jînê,
Bi nav û rêç tuê herî ji vê dinê.

* * *

Meriv bûne - pir zehmete, him girînge,
Ew nav birî, gerek bibe xas lehenge.
Malê heram, kî ku duxe, pê wedreşe,
Keda helal, serfînyazî, emrê xweşe.

* * *

Qîret bahaye, Rebb wê nade her kesî,
Boy mêranyê, qende nanê teî tisî.
Şîna êlê, şaya xerîvaê çêtire,
Mirna qîret, jîna bê qîret rintire.

* * *

Avekêra kes ducara derbaz nabe,
Êl ku rabû, tevî êlê tu jî rabe.
Êl jîyane, dêye, bave, sî-sitare,
Xwedê pêştir, qet tu kesek te nikare.

ESILZADE Û BEDESIL

Bapîrên me dû hatyara dur hîştine,
Esil da xas nabin pînê enîşkane.
Çiqasî bên ba û baran, tofan rabin,
Çîa şûna xwe ranabin, qet mêl nabin.
Şêr pîr dibe, feqîr nabe, dîsa şêre,
Zêr axêda çiqas bimîn, timê zêre.
Birc çiqasî bihedime, kavil bibe,
Ça bûna wê ji dîwarê wê kivş dibe.
Mal qirêja herd destane, dişoy – tune,
Wî hezkirî, tim qisasê serê xune.
Ewladê baş serê bava bilind dike,
Dilê gelda xwera şûna germ çêdike.
Gîha timê ser reha xwe hêşîn dibe,
Esilzade ber tu kesî feqîr nabe.
Axa-axaye, beg – bege, xulam – xulame,
Ew çiqasî milûk bibe, ne olame.
Ruhê wîyî paqîş, zelal, bê telp, çilke.
Cîda gire, pir bilinde, ne piçûke.
Tew gotnên wî cewahirin, xas qudretin,
Maqûline, edlaîne, bereketin.
Qijik çiqas bixemile, nabe kewe,
Kî ça hatye, naê guhestin, ew – ewe.
Kanî binda ku zelal be, şêlû nabe,
Bedesilra dinê bidî, qaîl nabe.

Bedesil

Cîda nese, ruhê xweva gurê hare,
Bin piê xwe mêze nake ew tu care.

Hebûna wî, kîne, buhze, tew qirêje,
Xeza dike, zia dike, bes nabêje.
Firsend ketê nav xwînêda cî çêdike,
Ji xwe pêştir qet tu kesî begem nake.
Ezim, ezim, kûr rûdinê ruhê wîda,
Qenc bûna wê peyda nabe li tu erda.
Rîa wîa – qetil. xwîne, şase, faşe,
Dawîêda zelûl dibe, xwîn wedreşe.

DOSTÊ MINÎ RÊ ŞAŞKIRÎ

Qav nabe hevala teye,
Kurmê nav bedena teye.
Cesedê te dihelîne,
Te ser çoka zû dixîne.

Dost, hogira malê teye,
Qurban, heyran seva wîye.
Heya te ku xilaz dibe,
Te dihelê, zû ta dibe.

Îtbara wê bawer meke,
Dû wê meçe, xwe şaş meke.
Wê te bike edeneye,
Têxe pînê bin piaye.

Helalî şiv, him şekire,
Şeveq dide, natemire.
Kî mala xwe dibe xain,
Nolî kûçka dike ewtîn.

ÇARXET

ÇARXET

Ku dixwazî neyar altkî,
Gerek tev wî dostyê çêkî.
Zarê şîrîn bixapînî,
Gorrê jêra vekolînî.

* * *

Dinya hejya, dinya rabû,
Gelêm raza, xev ranebû.
Nika dike dewa heqe,
Hemû dibên, “kurd neheqe”.

* * *

Kî ça heye, naê guhastin, ew-ewe,
Qijik çiqas bixemile, nabe kewe.
Kanya cîda ku zelale, şêlû nabe,
Esilzade sêvekêva qaîl dibe,
Bedeslara dinê didî, razî nabe.

* * *

Dema meydan pêş te vebe,
Ji cîê xwe tu zû rabe.
Wekî reqîb ji te nebe,
Derba ewil tu xwe lêde.

* * *

Reqîb tu car nabe qence,
Dilê wî dernaê wece.
Fîrsend kete ku destê wî,
Wê te bihêl birçî, him tî.

Çavê te kê naxwe avê,
Dema didî xeberdanê.
Jê vegere, pîr kûr meçe,
Wê ser ne tu tera pevçe.

* * *

Dereng û zû birê hevin,
Xuliqîne, timê tevin.
Dereng ji xwe dûr bixîne,
Nêzîk ber xwe bikişîne.

* * *

Kesê bê pişt, ber pê here,
Xwedê jorda dinihêre.
Cem wî gişkî nîvîsare,
Qencî vala venagere.

* * *

Nav emirda tim girand be,
Rîa heqda qet şaş nebe.
Sêra xwe tim berk xweîke,
Her kesîra wê veneke.

* * *

Murvên nika bê îtbarin,
Nolî çawa xile, xarin.

Gotinên te digerînin,
Bav-lawâ hev dixêdînin.

* * *

Tu dilê xwe meke sivre,
Gelek tiştê bibuhure,
Tenê Xwedê bawer bike,
Sêra xwe tim wîra veke.

* * *

Ewîl dostê xwe bipêje,
Hê sêra xwe jêra bêje.
Esil – koka wî ku hebe,
Ew kesîra wê nabêje.

* * *

Bizanîbe, tu xwe kîyî,
Ku hatîyî, ku dijîyî.
Bê hemdî xwe şaşya meke,
Wekî dikî, xwe xilazke.

* * *

Dema tuê biaxivî,
Der-dorê xwe mêzebike,
Cemis bike, tuê çî bêjî,
Ewîl bipêj, paşê rûke.

* * *

Sibê rabûy, şikir bike,
Kara dest xwe, xilaz bike.
Pey şuxulê vala meçe,
Ewê te zû bêhurmetke.

* * *

Kî ça heye, naê guhestin, ew-ewe,
Qijik çiqas bixemile, nabe kewe.
Kanî binda ku zelale be, şêlû nabe,
Esilzade, sêvekêva qaîl dibe,
Bedesilra dinê didî, jê têr nabe.

* * *

Tê dît meydan ku ya teye,
Tu hespê xwe bajo çar gav,
Derba ewil mêraniye,
Rebb firsendê nade her gav.

* * *

Her firsendê demek heye,
Her demekê, temek heye.
Qet bîr meke, dê-bav hene,
Hergav bigre qedrê wane.

* * *

Dara bê sî, tim jêdikin,
Dara bi rez xweîdikin.
Mervê bê kêr nolî zile.
Bê amine, pira qole.

* * *

Rewşa çîa berf, barane,
Xemla gelîa daristane.
Meriv wê demê bedewe,
Çi anê, lê çi dibe.

* * *

Kavilkirin xwîn, qetleke,
Avakirin zef girînke.
Edilâ lele, dure,
Dewr mereza bêqenc, girre.

* * *

Ewa kesê xwe nasnake,
Ew tunebe, daha pake.
Wekî hebe nav dengê te,
Boy gel xercke, pir malê xwe.

ÇEND GOTIN Û FIKRÊD MINE FELSEFÎ
НЕСКОЛЬКО ФИЛОСОФСКИХ МЫСЛЕЙ

*Wekî bigrî tu qedrê xwe,
Tuê bijîy wek xwestina xwe.*

Если будешь знать себе цену,
Проживешь свою жизнь по своему желанию.

*Çiqas sala nav axêda bimîne zêr,
Eqara xwe unda nake, ew têye kêr.*

Сколько золото в земле не пролежало бы.
Она не обесценится, не потеряет цены.

*Eslê kêda çi ku hebe, zû, dereng dide dere,
Çi libasî lêdkê lêke, ker dimîne dîsa kere.*

Кто, что, представляет из себя,
Выйдет наружу рано или поздно.
Чтобы ты, не надел на осла,
Все равно ослом он останется.

*Kî çawa hatye, naê gubestîn, ew – ewe,
Qijik çiqas bixemile – nabe kewe*

Кто кем родился, тем и останется,
Он никогда не изменится,
Как бы ворона не покрасилась
В куропатку она не превратится.

*Kanî binda ku zelal be, şêlû nabe,
Eslzade sêvekêva qaîl dibe,
Bedesla dinê didî jê têr nabe.*

Чистый родник не станет сточной водой,
Безродному весь мир отдай, ему все мало.
Благодарным тебе даже за яблоко,
Будет человек с хорошей родословной.

*Dara axa cudada ku şîn dibe,
Ne rehê wê hene, ne jî sîa wê.*

Дерево, растущее не на своей земле,
Не красоту не имеет, не тенька.

*Bedeslara sîngê xwe meke sî û sitar,
Kutasîê jê nabînî bext û îtbar.*

Безродному не давай в своем сердце места,
В итоге от него ты не увидишь благодарности
и верности.

*Bedeslara qet nan mede,
Wê nanê te pêpez bike.
Kengê ketî tengasîê,
Wê dûr here, te nas nake.*

Безродному хлеб не давай,
Он этого не оценит.
Он отвернется от тебя,
Когда тяжело тебе будет.

*Nav emirda rabe, rûnê, aqil, giran,
Qet bî rmeke pêşya zimîn heye diran.
Bikaribî diranê xwe bişidînî,
Kol, pihîna tucar – tucar tu nabînî.*

По жизни води себя мудро, с достоинством,
Не забывай, что есть зубы перед языком.
Если сможешь его удержать,
Не будешь побитым, не будешь страдать.

*Nanê xwe bide eslzada,
Ew nanê te pêpez nake.
Kengê ketî tengasîê,
Wê destê te bigre, rake.*

Дай свой хлеб человеку с корнями,
Он этого не забудет никогда.
Когда ты упадешь от тягот жизни
Он руку подаст, подымет тебя!

*Xarî xare, ew rast nabe,
Bixebite xar rast nabe.*

Кривое криво, оно не станет ровным,
Постарайся, чтобы ровное не стало кривым.

*Xebat emre, edlaî zêr,
Merivgerék mejî bê kêr.*

Спокойствие и мир — это золото,
Работа — есть жизнь
Человек не должен бесцельно
Прожить свою жизнь.

*Tebîet dêye, xemil însan,
Bêîtbare dewir zeman.*

Природа — мать, человек — ее красота,
В этой жизни ничто не вечно.

*Ba alîkê nalîlîne, ew hukmê dewr zemîne,
Çira kesî veneketîe, beta gava xût paşîne.*

С разных сторон ветер дует,
Это — природы закон
Вечно светильник не будет гореть,
Время бежит, потухнет и он.

*Tew agira heye çare,
Agrê hubê tune çare*

Любой огонь можно потушить,
Огонь любви ни чем не потушишь.

*Qirêja desta dişoy, diçe
Qirêja dila tucar naçe.*

Грязь с руки водою смываешь,
Грязь с сердца ни чем не смоешь.

*Delalê min, bixebite,
Bê kêr mejî, bixebite.
Şerma giran tenê ewe,
Nefer birçî rûnê rex te.
Друг мой милый, ты работай,*

День и ночь, ты работай,
Большим стыдом является то,
Что семья твоя остается голодной.

*Kulfeta esilzade, jîyan û miraze,
Kuda diçe tuî tim jê arxanî,
Ya bedesil – agir, alav, him mereze,
Ji mal derket, îdî tu ne xweyê weî.*

Благородная жена
Это дар Божий,
Она тебя
Не обесчестит никогда
Бесчестная жена.
Это боль и горе,
Ты ей больше не хозяин,
Как только выйдет из дома она.

*Bavê bê kur — çira bê nîfte,
Çirûz dide, ronaê nade.*

Если у отца сына нет,
Он словно светильник без нефти,
Искры есть,
Только света нет.

*Meriv wê demê dikare bibe mezin û gir,
Tevî xwe çî anî dinê, çî hîşt, çûnê çî bir.*

О величье человека можно судить по тому,
Что он принес в этот мир, что унес,
какое имя оставил.

*Meriv heye, nîgar, xemlê meryane,
Meriv heye heyvanekeî nav tevlane.*

Есть человек показатель гуманизма,
Есть человек, настоящая скотина.

*Ew merivê bê qîrete,
Qîmetê wî wek zîleke.
Ba holdike valî, walî,
Li tu erdî ew nabîne cî.*

Человек без чести,
Не стоит ничего
В какую бы сторону
Ветер не подул,

Сдувает его,
Не удержаться ему.

*Ev dinyae bê îtbare,
Amin nebe qet tu kesî.
Cêva teda tune pere,
Lazim nînî qet tu kesî.*

Этот мир не имеет доверия,
Не верь никому никогда.
Для всех не нужным становишься,
Если денег нет у тебя.

*Kasivai – feqîrîe,
Bê hurmetî, rusaîe.
Kes pirsname kasiv kê,
Çi eslîe, çi cinsîe.*

Если ты беден, то беспомощен,
Тебя не ценят, не уважают
Не спросит никто корней бедняка,
Никому до него нет дела.

*Wedê nezan xwe datîne dewsa zane,
Derewekê ew digire herd destane.*

Если тупой показывает себя умным,
Он за любую ложь свою держится
обеими руками.

*Rê miraça hasil dike,
Av qirêjê paqış dike,
Xebat emir dirêj dike.*

Дорога мечты исполняет,
Вода — грязь смывает,
Работа — жизнь продлевает.

*Êvarêva gelek diçin ardû, qirşa,
Lê sibê zû hindik tînin werîs terşa.*

С вечера многие идут в лес за дровами,
Под утро единицы приходят с дровами.

*Nav emirda timê şûna xwe nasbike,
Wekî kesek te ji şûna te ranake.*

В жизни знай свое место,
Чтобы никто тебя не пересадил.

*Kengê ji te pîrskirin, bersîv bide,
Bersîva bê pîrskirin — bê aqilîe.*

Когда только тебя спросят, ответь
Ответ без вопроса — глупость.

*Bi nanê derîa zîk têr nabe,
Seba têrbî tenê nanê xwe bixwe.*

Чужим хлебом, ты не наешься.
Ешь и свой хлеб, если хочешь наестся.

*Bibe kevir, bila çûçik bî,
Nebe kestekekî weke zînar*

Будь лучше маленьким камнем,
Чем коровьей лепешкой.

*Meclûsada timê der-dorê xwe mêze bike,
Kengê diaxwî, bifikre, dirêj meke.*

На собраниях посмотри вокруг себя,
Много не болтай, если дали тебе слово.

*Av ç`ela xwe nazdike,
Kuda here, wê tekeve wir.*

Вода свою ямку знает,
Куда бы ты ее не направил,
Все равно свою ямку найдет,
Какую бы цель ты не поставил.

*Kengê firsend ket destê te,
Melerize, zû rabe pê.
Bila hemû xarbin pêş te,
Dûr be, tim ji doz û xetê.*

Если судьба дала тебе шанс,
Используй ее, встань на ноги.
Пусть склонятся перед тобой,
Будь далеким от разборок и драки

*Bînê bîrê xweda wekî tunebe av,
Av kirinêva tucar nabe tijî av.*

Если в самом колодце нет воды.
Сколько не наполняй не наполнится.

*Şuxlê Xwedê bi mêzîne,
Tu çi dikî, ew dikşîne.
Qenc û xirav vedqetîne,
Danyê cezê te dişîne*

На дела Всевышнего ты посмотри,
Чтобы ты не делал, он терпит.
Хорошие дела от плохих отделяет,
После – тебя он наказывает.

*Delalê min, dinya ma,
Hatî tew çûn, dinya ma.
Xwezîla min wî kesî,
Dû wî navekî qenc ma*

Милый мой друг, мир остался,
Все кто пришли – ушли, мир – остался,
Завидую тому человеку,
После которого имя осталось.

*Gîhe cîê gemar naê dirûnê,
Lel û dur li her cî naê dîtîne.*

Благородный цветок не в каждом месте цветет,
Золото и бриллианты не везде найдешь.

*Построчный перевод на русский язык
Анаре Барие Бала*

NİVÎSARA VEKİRÎ

NÎVÎSARA VEKÎRÎ

EZ Û KALÊ WELATHEZÎ PIR BI DERDÎ KUL

Min nav emrê xweî tijî gavên tele, şîrîne, eşqe şaye ne bîrkirîda, gelek, gelek, rewîtîên der û hundur kirine. Wan rewîtîa nav ruhê minda rêçên kûre, tenîske usan hîştine. Her yek ji wan emrê minî cahiltîê qal dikin.

Mîna qeytana kînoê ber çavên minra hêdî-hêdî derbazdibin. Min çi kirî, çi dîtî, gişkî vedikin, dibêjin.

Min dubar dibin digihîne cahiltîya mine tele, şîrîne hezkirî.

Her rewîtîke dîrokeke wêye hêja, ne hêja heye. Usan rewîtî hene zû tene bîr kirinê. Lê usan rêwîtî jî hene, nolî benîştê qanokê pêşîra teva digirin. Dikî, nakî ji te dûr naçin. Şev, roj nav mejûê teda rûdinên. Hevdu duxuldirin. Dixwazin tarîstanêda ker, lal, kor mehêlî firsend çawa kete destê te derxî holê. Raberî xandevana bikî. Loma jî, ez dixwazim derheqa vê rewîtîa xweda çend gîlîên baha, ne baha binîvîsim. Raberî xandevana bikim. Kîjan ku, wê rewîtîê ser dilê min, ser hişê min

reçên usane şewat hîştîe, wekî heya emrê min hebe ezê nikaribim wan ji wir derxim.

Dîroka wê rêwîtîa min wa destpê bû.

2014 salê demsala baharê, nişkêva min ji herêma Kurdistana aza caweke xêrêye ne bîrkirî send, kîjan ku ezî temamîa emrê xweda hîvîa wê cawê bûm. Yekbûna tifaqa nivîskarên Dihokê ez teklîfî cejna Newroz dikirim. Erd-ezman têra şabûna min nekir. Nav wedekî kinda min hemû evraxên xwe, çawa pêwîst bû, dane tindurûs kirinê.

Pêncê meha nîsane, êvarê kurê minî Elî dilekî eşqî – şa ez ji firindexana Almataê ber bi Kurdistana aza verêkirim.

Firindê sîyar bûm. Min dît rex rûniştoka min kalekî gelekî sêfil rûniştîe. Me selam da hevdu. Cîê xweda rûniştim. Ew ji min xêlekê kaltir kîvş dibû. Em hevdu ra bûne nas. Navê xwe hevra gotin, hêdî-hêdî hevdura axivîn. Ew evdekî zarşirînî, emir dîtî, feqîr dihate xanê. Zaravê kurmancî paqîş û ferih diaxivî. Berîa gotîe- “Gîlî mî-nanî tûfilên pîvazane, xwe berê ber hevdu derdikevin”.

Keçika ku serwêrîa rewîtîa firindê dikir, zimanekî zelal selamda hemû rewîara, got:

– Hûn hemû ser serê me, ser çavên me hatine.

Wedê firinde firî, elam kir:

– 6.30 deqîqe, qet tu şaişa mekişînin, emê we

wededa, bê zehmet bigihîne Stenbolê, ji wur jî bifirine Hewlêrê, – dêmekê xaş kenîa.

Xêlek buhurî, min dît, cînarê minî pir nerehete. Geh radibe, geh rûdinê. Cîê xweda difirfite, naedile. Kesera, ser kesera dikişîne. Hêdî-hêdî wîrra axuvîm. Çend pîrs, pîrsîar danê, qet dengê xwe nedikir. Wî dîsa keser ser kesera kişandin, melûl-melûl çavê min nêhêrî. Serê xwe berjêr kir. Of, ofî kişandin, got:

– Bariê bira, ez xêlê wexte te mêze dikim, dinêhirim. Tu mirovekî zaneî, pir başî. Ruhê xweva jî kurdî. Welle. Ezê îdî hemû derd û kullên dilên xwe tera vekim, bêjim, qalqim. Belkî dilê min hinekî rihet be, vepesirim. Ez hêsa bîna xwe bikişînim.

Bira, ewqas derd, kullên mine şewate dilsotî hene. Tu, wekî wan gişka bibihêy... Çizanim..?

Ez eslê xweva kurdê soranim. Binelîe Helebceî esil-kokim. Li wir dê da bûme. Ji malbeteke pir mezin da. Gele pismamên me hebûn. Nav meda time çûne hatin hebû. Em pênc bira, çar xûşk bûn. Bav-dîya me em gişk zewicandin. Paşê çûne rehma Xwedê. Me bira hewşa xweda xwera mal çêkiribûn. Ez mezinê bira û xûşka bûm.

Sê law û du keçên min hebûn. Du keçên xwe û lawe kî xwe min zewicand bû. Nevîê min hebûn. Em ne ewqasî baş dijîan. Alîkîda zulma Seddam, alîkîda jî tune bûnê em sêfil kiri bûn.

Lê, eme bextewar bûn, çimku em gişke bal hevdu

bûn, hewşekêda dijîan, gohê me ser hevdu bû. Me hev-
dura ar dikir, sere xwe pîs-pak xweî dikir.

Bermalîa min ji maleke esl zade bû. Hinekî ji pis-
mamîa me hevdu hevbû. Ez karê devrava mijûl
dibûm, ew karê hundurda. Roj pey roja usa dubuhurîn.
Neferêd malê her sibe-êvar cîkî taştê û şîv dikir. Me
şikir bûna xwe Xwedê dikir.

Rojekê ez boy şuxulekî eceleyî ferz çûme Silêymanîê.
Rewîtîa min ewqasî jî dirêj nekişand. Roja duda, destê
sibê, ew mirovê ku ez mêvanê wî bûm. Nişkêva kire
qîrîn:

– Wey bavo! Wey bavo kir! – xwe avîte ser cîê min.

Ez xofgirtî, zû ji nav cî rabûm. Halekî şaşbûîda tirse-
tirs jê pirsî. Wî cawa min neda. Tenê “wey bavo, wey
bavo” dikir. Hinekî şûnva wawîqî got: – Mal xirab, rabe!
Dibêjin destê vê sibê Seddamê hovî bajarê Helebcê pê
bombê jerê bombebaran kirye, tamam kafkûn kirye!
Helandîye! Kirye rijî! Bajar naê naskirinê. Hezaranva
binelîye wê qut bûne! Laşê wan naên naskirinê. Laş ser
hevda bûne part! Binelîe bajêr heciqîê, nîvsaxî, birîn-
dar nav bajêr derketine, xwe dane perê bajar. Eskerê
dewletê bajar girtîe, kesî bere bajêr nade.

Ez lez ji mal derketim, ber bi hêla Helebcê rewîm.
Min sere xwe unda kiri bû. Qet nizan bû kuda diçim,
çi dikim? Ro danekî şûnva gihîştîme perê Helebcê.
Bajar nav mijêda nedihate xanê. Ewrekî mezinî jê jer
dibarî bajar hemêz kiribû. Binelîe bajêr paê-pir nav

cilên şevêda bê star, bê titar ji bajêr revî bûn. Tîjî derdora bajêr bibûn. Xwe bin kol-kosada veşartibûn.

Zêra-zêra zarên piçûke şîrmij, nale-nala birîndara, lûve-lûva pîr-kala, hewar gazîa dê-xûşka, mele-mela berxa, mîa, orînê dewar, şihê-şihê hespa, ewtîna seka, dil-hinavên merîa dihelandin. Porê sere însîn şûjin şûjinî dikir.

Te ji kê çî pirs dikir, cawa te nedida, tenê çavê te dinihêrî. Gelek ker, lal, kor hebûn. Hineka jî nav tirsêda xwe unda kiribûn. Zimanê wan hatibû girtinê. Gelek ezîetî şûnva min mirovekî hevekî pak dît. Me hevdu naskir. Min derheqa mala xweda jê pirsî. Wî got:

– Bira, hemû dibêjin, bajêrda ne avaî, ne jî tu kesek silamet ne maye. Hemû qut bûne nav jerêda, bûne rijî. Naêne nas kirinê. Kesek xilaz ne bûye. Laş ketine ser hevdu, bûne part. Leşkerê dewletê dora bajêr girtîe, kesî bere nav bajêr nadin.

Ez jî tevî cimaetê çendekî dora bajêr valî-walî çûm-hatim.

Rojekî pir ezîetî şûnva, min û hevalê min me bi-jîjkekî dereke dît. Pir lavaî, dîlekî şûnva wî cilê spî li me kir, dizî em birne nav bajêr. Bajar nedihate naskirinê. Ez çûme kolana me. Min pêş çavên xwe ecêbeke ne bînaî dît. Ne kolana me, ne jî malên dinê nedihattine nas kirinê. Her tiştî rûê xwe guherî bû. Bijîjk mera got:

– Destê xwe medinê tu tiştî, hûnê jî jerdadaî bibin.

Wextekî min çavê xwe vekir, ezî dîsa nav mirovên dora bajêrda me. Min ew bijîjkî îda nedît.

Vê rojê şûnva ez îdî mame bê mal, bê malbet, bê xwedî, bê kes. Tek tenê. Pewîstî kesî nînbûm. Dilekî kewgirîyî, nav êgirda helyaî, tevî mirovekî nas ji Helebca xweye delale, hezkirî, bê kavî dilê xwe dûr ketim. Terkeselawetî dinê bûm. Min emrê xweda xênî Helebcê û Silêmanîê tu bajarên din nedîtibûn. Nolî mirovekî çav girtîbûm. Lê, hevalê min gelek cîa, bajara gerîa bû. Ji min xêlekê cahiltir bû. Ewî jî hemû tişt undakiribû. Ber zulma Seddamê beyanî direvîa.

Çend roja şûnva em gihîştine kome mirovên roja xweda. Ew jî welêt direvîan. Tevî wan bûm. Mirovekî serwêrî li komê dikir. Wî em qebûl kirin. Şertê rêwîtîê mera qise kir. Em gotinên wîra qaîl bûn.

Vê rewîtîa me çend meh kişandin. Geh wî bajarî, geh vî gondî. Serwêrê me tu cîra razî nedibû. Wî berêda ew cî nas dikirinş Rêda hine hevalên me ber birçîbûnê, tîbûnê deyax nekirin, çûne rehma Xwedê.

Ew jî cîe xwe rabû. Hesrên xwe paqîşkirin. Rûnişt, Fathekî şewat da ruhê wan. Got:

– Me ew bê kefen, bê melle, hema bi cilê ser wanda kêleka rîa binax dikirin. Oxira xwe didomand. Rojekî berê êvarê, em hatne perê bajêrekî nav daranda pervedaî. Her alî di nav heşînaîda bû. Serwaserê me got: – Gelî hevala, ez boynet wî bajarî bajarêd dinda nedisekinîm. Vî bajarî nas dikim. Ev welat Alemaniyyaye,

ev jî bajara vî Frankfûrte. Miroven vira pir maqûlin, mirovhezîn, mêvamhezîn. Emê vira cîê xwe bikin.

Em her kolanê, her mehelê rastî mirovên reşe nolî xwe dihatin. Ew yek-yek, dudu-dudu aza digeriyan. Her yekî zimanê xwe diaxivî. Paşê em wanara bûne nas. Nav wanada gelek kurd jî hebûn. Ew jî nolîd me ber zulma yê nolî Seddamê hovî revîbûn. Pare kî wan qayde qanûnê cimeeta cî îdî hînbûbûn. Em gişk xanîkî nolî koma pêze direjda diman. Me şev potê xwe didane bin xwe radizan. Destpêkê hineka me kolana pars fikir, hineka jî ber derê mala xebata reş fikir. Êvarê em gişk dîsa dihatine wir. Kê çi anîbû dadanî ortê, me tevî hevdu dixar.

Carekî hevalekî min got:

– Reşoyê bira, orta te xewata milaye qet çawane?

Min got:

– Birazîa, ez mirovekî xebathezim. Bajêrda hinek xwelîa me hebû. Min salê çend cara ew ser hevduda weldgerand, dikola, direşand. Giran, sivik, boynet min firqî tune. Ezî hela ser xweme.

Wî çaxî emrê min îdî nêzîkî şêstî dibû.

Wî got:

– Apo, de wekî usane, ezê te sibê bibime cem wî alemanî. Ew, mirovekî gelekî başe. Ez xêlekê mala wîda xebîtîme. Ew û pîreke wîye. Kesekî wî tunene. Zarêd wî min nedîtine. Li ew dibê du zarê min hene. Wîra merivekî nolî teyî xebathez pêwestîê.

Sibe ron bû. Em çûne mala wî alemanî. Mala wê perê bajêr bû. Hinekî mînanî mala gund bû. Mirovekî gelekî hemadê xwe bû. Wan hevdura xeberda (hevalê min hinekî alemanî dizanbû). Min fem ne dikir ew çî xeberdidin. Xêlekê şûnda hevalê min vebişîrî, got:

Apo, tu gelekî xweşa wî hatî. Îro şûnva tuê îdî mala wîda bimînî.

Wî xatirê xwe jî min xwest, çû. Wî şûnva min qet Îda ew nedît. Qasek derbaz bû, pîreke, ez bêjim, nûranî hat. Kalê bi destê xwe, ez nîşanî wê da. Hinekî xeberda. Pîrê jî vebişîrî, destê xwe dirêjî min kir. Min nizan bû, ew jî min çî dixwaze, çî dipirse? Min çavê wê nihêrî. Wê destê xwe danî ser milê min (ez ser pîa sekinîbûm) û destê xweva îşareta rûniştanê da minra. Ez rûniştim. Pîrê minra xorek anî. Piştî xarinê herda ez derxistime hewşê. Hewşe ne ewqasî mezin bû. Kol-kosa hewş dabû ber xwe. Zûda nehatibû paqîş kirinê. Çend darên sêva û gêlaza hebûn. Der-dorê wana kesî destê xwe qet neda bûê. Dihate kivşê ew jî hale nîv kasivaêda dijîan. Herda bi destê xwe, xebata mine her roj nîşandan. Min serê xweva “min femkir, min femkir” – got. Ez vê rojêda îdî bûme xulamê wan. Paşwextîê wan çawa xulam min ne dinihêrîn. Nolanî ewladê xwe qedrê min digirtin. Me sivrekîda nan dixar. Wan her nan xwerinêda her yekê îstekaneke çûçik şerab vedixarin. Çiqasî dikir ne dikirin min xwe heram nedikir. Ez çend sala cem wan mam. Min sibê hetanî êvarê hemû xebatên xwe dikir. Wana

xebata minra şa dibûn. Sal hatin buhurîn, berê pîrê, du sala şûnva kal çû rehma Xwedê. Ez dîsa mam tek tenê. Ketime halê xweî berê. Usan hîmî wan bûbûm, îdî derdê xwe ça bêjî min bîrkiribû.

Rojekî mêr û jineke navsere hatine mal.

Ez kurê kale-pîrê me, ew jî kulfeta mine.

Min ewana çawa pêwîst bû, usan qebûl kirin. Nezîkaya mehekî man. Rojekî wî minra got:

Apo (sekinî), ez rind dizanim, wekî ev çend salên dirêjin te zehmetê bav û dîya min çawa lazîm bûye usan kişandî. Ewe gelekî ji te razîbûn. Tîmê tu dîpesînîn. Wana tu ewladê xwe hesab dîkirin. Ez çî bikim, her tişt despêk û kuta bûn heye. Nika ez dixwazim (xêlekê sekinî, navbirî daê da) vê malê bifroşim. Eger dixwazî xwera bistîne. Ezê tera gelekî erzan hesab bikim. Yeke îdî para te jî vê malêda heye.

Min çavê wî nihêrî, vebîşîrî, got:

Kurê min, birê min, ez nav van salada cem pîrê-kalê tenê nane zike mame. Xebîtîme. Minra çî lazîm dibû wana elbêra dîkirîn. Rehma Xwedê li wan be. Ezî gelekî wana razîme. Ew nebûyana nika ez tune bûm. Welle, ez jî îdî naxwazim vir bimînîm. Wedê mirina min îdî hêdî-hêdî nêzîk dibe. Ezê herime welatê xwe. Qet nebe wir bin ax bibim. Belkî gorêda rihet razêm?

Wî mal fîrot. Xêlê pere dane min, xatirê xwe xwest, çû. Ez dîsa çûm tevî koma penabera bûm. Çend meha nav wanda mam. Carekê xortekî cahil minra got:

– Apê Reşo, eger tu dixwazî vegerî welêt, ez dikarim tera ar bikim.

Ez kelogirî bûm. Min lavaê lê kirin.

Çend roja şûnva, wî ez birme avaîkî mezin. Destê xweva avaî nîşanî min da. Got:

Apo, ev mala kurdane. Hemû kurdên weletê xwe rewîne têne vira, alîkarî distînin.

Ewî ez birime cem mirovekî pir maqûlî destxweşî, merîfet. Wî ez gelekî bi hurmet qebûl kirim. Min çî hatîe serê min, gişk jêra qisekir. Ew jî tevî min kelogirî bû. Got:

– Apo, qet tu şaişa mekişîne. Ezê te zûtirekê bê zehmet rast bişînime Helebca teyê hezkirî. Ezê perê rîa tejî bidim.

Min perê hilnadan, gotê:

– Birazîa, perê min hene. Xwedê te razî be.

Wî got:

– De wekî usane ji Kazakistanê xortekî bazirganî baş mêvanê meye. Ewê van nezîkaya paşda vegere, ezê te bispêrme wî. Ewê (kenya) te bide piştê xwe, bibe Kazakistanê, wir jî ber bi Helebca verêke.

Çendek buhurî. Wî ez gazî cem xwe kir. Çar xortên bedewe cem rûniştûbûn. Wî xortek nîşanî min da, got:

– Apê Reşo, a ev xortê zehmetê te bikişîne.

Xort ji cîê xwe rabû. Hat destê min maçkir. Bi zarekî delalî, merîfet, got:

– Apo, nave min Kereme. Qet tu mitala meke. Ezê

te bidime pişta xwe, bibime Kazakistanê. Wir jî çi wext dilê te dixwaze, bê gotin, te wereî Helebê kim.

Wî merivî Kerem nêfêrî, dubar got:

Kerem, ne tu îdî şuxule xwe dizanî?!

Kerem deste xwe danî ser herdu çavên xwe.

Belê, (kenîa), axê min. Sed selefî arxaîn be. Dilê te çawan dixwaze, wê usan jî bibe.

Min xatirê xwe xwest, derketime devra. Xêlekê şûnva Kerem jî derket. Kenîa, destê min girt, got:

– Apê Reşo, tu îroda îdî bê min nikarî qet tu derda herî. Ez kefildarê teme. Here çi kelmelê te hene, hilde, werê. Em herine otêlê. Xatirê xwe ji vir bixwaze.

Ez vebîşirîm:

– Birazîa, welle, qet tu tişteki min tune. Berîa gotye “Ezim, şivdara mine”

Ew jî kenîa:

– De wekî usane, em çûn.

Destê min girt. Em hatne otêlê. Sê roja şûnda em firindê sîyar bûn, hatine Kazakistanê. Eva rast hevteke ezî mala wî dame. Bavê wî, dayka wî, kulfeta wî ez bi hurmeteke usane mezinva qebûl kirin, wekî heta emrê min hebe, ez bîra xwe dernaxim.

Betirpêr min Kerem ra got:

– Birazîa, lê tu derheqa çûna minda çi difikirî?

Ew kenîya:

– Apê Reşo, wekî tu meçî nabe?

Min wî neherî û hêsrên min xuber hatne xarê:

– Birazîa, Xwedê yeke, oxir yeke.

Bavê wî jî, dayka wî jî tev min girîan. Min derheqa xwe wanra her tişt qal kiribû. A, ez boynet xemxurîa wî xortê delal îro bûme cînarê te. Xwedê emrê wî dirêjke. Xêr xezna xwe serda bibarîne.

Boynet dildarîê bidimê, ez vebîşîrîm, wîra got:

– Bira, tu şaişa mekişîne, min Keremê duda hesabke. Wî tu hetanî vir anîyî, ezê jî te, heta Helebca teye hezkirî bibim. Kêfa xwe lap kok xweîke. Bila Xwedê tenê oxira me vekirî bike.

Dêmê wîyî xem-kederî westîyayî hinekî vebû. Wê şevê em otêlêda man. Sibetirê min erebek kire hilda. Berî êvarê em gihîştine Helebcê. Ereba me kolanêd firêye asfaltkirîra nolanî mera dişûşilî. Min dilekî melûlî pir kewgirî her avayî, her kolanê her fitlê dinihêrî. Him girîê min dihat, him jî şa dibûm. Car-carana jî vedibîşîrîm.

Dema, rojên Helebcêye zelûl, nolî qeytana kînoê ber çavên minra derbazdibûn. Giriên min dihat... Min dîsa bajar, çawa kovar û rojnameên wê demê dinîvîsîn, nîşan dikirin, nav ewrê dûmana jerêda, kolanada laşên mirovên bê guneye, nav jerêda helyayî, nolî parta ser hevda ketî didîtin, hêsrên min xuberê nolî tavîa baranê berjêr dibûn. Lê îdî min Helebcê timtêşa arxîtêktûra nû, kolanê fireye, bere, dirêj, gulustanê ser sîngê wê pervedaî, darên pir cureye boy xemlê, avayên çend qate nolî çayên Kurdistanêye bilind didîtin, kêç û xortên

kolanada destê hevdu girtibûn, şîrîn-şîrîn diaxivîn – wê demê ez şa dibûm. Min dilê xweda ev kelimên kal û bavên meye lel-cewahir zû-zû diwekiland – “Pey her rojeke tarî, tel, rojeke şîrîn heye. Pey her şeveke tarî, sibeke zelal şefeq heye”. Ez navbera xem-xeyalada difetisîm, xwe çalî-balîa dixist, wekî bikaribim jê derim. Nişkêva dengê hevalê minî xem-kederî westîaî bilind hat:

– Bisekinin!

Min elbêra erebe da sekinandinê. Ew zû-zû ji erebê peya bû. Lerizî. Hinekî fistiqî, lê xwe xweî kir. Rex rê parçe erdê vekirî hebû, navda kevîrekî reş xan dikir. Ew lez berbi wî erdê revî. Çok veda. Erd çend cara maçkir. Rabû. Dîsa çok veda, erd maçkir. Rabû ber bi kevîr revî. Kevîr hemêzgir, denge kî şewatî zîz gerand, kire îske-îsk girîa.

Min wê dîdemê xêlek mêzekir. Milê wî girt, rakir.

Reşoê bira, îdî bese. Bûî bûye, çûî jî çûye. Îdî kesek pajda venagere. Were. Were, em herin. Bê wêjî rîa meye xêlekê dûre. Em gerekê herne Dihokê.

Ez jî îdî tevî wî digirîam. Wî min nihêrî, kire îske-îsk. Der – dore xwe nihêrî, got:

– Barîê bira, ev parçe erdê vala dewsa mala mine. Ev kevîra min wî çaxî vir danîbû, şikir ew nehelyaye.

Ez jî tevî wî dubar girîam. Berê xwe jê guhest.

Bira, te ez gîhandime mirazê dilê min. Ez vir mala Xwedê te razîme. Xwedê te jî bigihîne mirazê dilê te.

Kevir ber pîê te bibine penîr. Xeta, bela dûrbî. Tu here. Xwedê oxira te vekirî bike. Ez gihîştîme mala xwe. Ezê neferê xwe tewa bibînim. Wan hemêz bikim, biaxivim. Derd, kullên xwe gişka wanra qisekim. Ez îdî vî cî pêştir tu cîda naçim. Ezî van salên dirêj hîvîa vê demê bûm. Tera oxirbe.

Min çiqasî lavaî, dîlek li wî kirin, ewî “Na”got, nerm nebû. Min nihêrî nabe, xatirê xwe jê xwest. Jê du-sê gava dûrketibûm. Ew se stûyê xwe vegerîa, dengekî zelûlî, zirav got:

– Bira, wedê paşda vegerandinê, rica dikim, were, min bîr meke. Were, wekî ez te cara axirî bibînim.

Ez lê vegerîam. Me hevdu hemêzkir. Wî jî, min jî kire îske-îsk, em girîan. Min got:

Ser çavên min. Ez heta naêm te nebînim, paşda venagerim, naçime mala xwe.

Em hevdu qetîyan. Min paşda nihêrî. Wî dîsa kevir hemêz kiribû, digirîa. Dîtîa wê bigotana, yeqîn ev merivî ya dîne, yanê jî dirirse, wekî hinekê kevir jê bistînin, yanê jî bin kevirîda xezna wî heye, loma usan ew hemêzkirye.

Ez çûm, ew ma...

Çend roj buhurîn. Min xizmeta xwe qedand. Hazirî oxira paşda vegerandinê dibûm. Nişkêva, gotina wî kete bîra min. Du roja şûnva çûme Helebçê. Îdî piştî nîvro bû. Min ew li wir nedît.

Destmaleke reş li kevir alandibûn. Îdî her tişt li min

eyan bû. Kelogrî bûm. Nav mitalada, dora xwe valî-walî nihêrî. Kulfeteke navsere piş min sekinîbû. Wê jî kevir dinihêrî. Min derheqa hevalê xwe û destmala reşda jê pirsî.

Wê got:

Ez vê kolanêda dijîm. Ev avaê hanê mala mine. Ev çend salin em hatine vir. Ev çend rojbûn, ber vî kevirî kalek rûniştibû. Geh digirîa, geh kevir hemêz dikir, radibû. Şev-roj cîkîda nediçû. Me gelekî jê hîvîkir wekî were malê me. Wî hîvîa me kesî qebûl mekir. Me jêra çî xurek dihanî, wî tiştêk hilnedida. Tenê av ji destê me digirt. Sivekê em mirovên vê kolanê ji xew rabûn. Me dît kalê milê xwe ji nava kevir berdaye. Ber kevir veleziyaye. Em zû hatne cem. Me dît, ew çûye rehmeta Xwedê. Mirovên kolanê berav bûn, ew defin kirin. Rûsipîa ew destmala çawa reşê wî li nava kevir alandin.

Bê hemadî min, berê çavên min şilbûn. Min ji wê hîvî kir, wekî ew min bibe goristan, gora wî nîşanî min bide. Li goristênda min fathe kî da ruhê wî. Gora wî cîkî serdestî usanî bilind cî kiribûn, temam Helebce wîva dihate xanê. Tevzîkî tûj dilê minra derbaz bû.

Reşoê bira, te çî dîtîe, çî hatîe serê te, bila neyê serê dijminê min jî. Lê vê demê, tu îdî bextewarî. Xwestina dilê te, tenê vê carê hasil bûye. Tu nav axa pareke Kurdistana xweye azada bin ax bûî. Rehma Xwedê li te be. Virha şûnda îdî kesek nikare destê xwe bide te.

Te bileqîne. Xwezil ez jî nolî te nav axa yek Kurdistana
azada bin ax bibim.

Nav kela girîda, dilekî keder xemî pir melûl ev
helbesta xwe dubar-dubar, hêdî-hêdî anî ziman.

Delalê min bigere,
Temam dinê bigere,
Kî bûna xwe bîr meke,
Welatê tey şîrîne,
Welatê xwe vegere.

A, ev rewîtîa mine tijî xem-kedere, dil-hinav sotî,
wa xilaz bû. Wê nav mejûê minda rêçeke şewate, usane
kûr hîşt, wekî ew şewata hetanî hebim ji dilê min û
mejûên min wê dernaê. Tîmê ber çavê minra nolî
qeytana kînoê bê-here, dil hinavê min bisotîne.

Barîê Bala
Korrêktor – Anarê Barîê Bala

MEHMEDE SLOÊ MHOÊ – ÎSA BEGÊ REWANÎ KÎ BÛYE

Rewaî bîranîna

*Mehmedê Sloê Mhoê Mîrzo –
kod navê wî Îsa begê Revanî dikim*

Dema nivîskar, helbestvan, yanê jî gotervan ku dixwaze derbara bûyereke aktûale heveskarda binîvse, ew ewil pêwîste wê hilde, dayne. Bîne ber çavê xwe. Dîroka wê her alî hînbibe û xwera qîrar bide, ye bikari be bin wî barê giran derê, yanê na? Seva ku ew barekî cavdarî pir girane. Wekî ku bikaribe derê, ew bi çi cureî wê bûyerî yê raberî xandevanê xwe bike? Xandevanê wîra qaîl bibin, yanê na?

Loma jî ew wedekî gelekî dirêj bû, ez zû-zû diketime nav mitalê kûr. Geh hildida, geh dadanî. Carana jî ew bûyer ji bîra xwe derdixist, jê dûr diketim. Lê, paşwestîê dîsa nerehet dibûm, dîsa bûyer dikete bîra min, çend hevok dinîvîsî..., dîsa nivcî dima... Lê vê carê, min îdî qîrar kir, wekî wê anegorî qeweta xwe, çawa pêwîste, usan binîvîsim. Xwe ji behra mitala yekcar derxim. Pir, hindik tişteki nû bidime xandevanê xwe, wekî rewşenbîrê ku comerdî boynet welatê xwe ruhê xwe feda daye, derximê holê, seba ku ew comerdî û fedaîtî unda nabe. Boy wî yekî ez ewil çûm bal mirovên ku wedê wîda jîne, yanê jî derheqa wîda ji êlê bihîstine (ew mirov gelek hindik mane). Paşê derketime ser

oxira xweye tîlane rast, destpê nivîsara vê bûyerî gelekî derengî ketî, pir baha kir.

Mehmed 1910 salê dêda bûye, ji qebîla Brûkîye, ji êla Qerka. Malbeta wîra mala Mihoye Mîrzoê Temoê Şemo dibêjin. Şemo dû birê wî hebûne – Mikaîl û Îsa. Navê bavê wan Mihê bûye, jêrra Mihê şivdirêj gotine. Navê kulfeta wî Rindê bûye. Mihê zû diçe rehma Xwedê, boymet wî jî bi edeta kurdaye kevnarî, êlê wanara lawê Rindê gotine. Bavê Mehmed – Sloê Mihoye, dayka wî – Sîsa Salih begê Hecîsilêmane. Bira kî wî – Evdîê Slo (jê ewled nemane) û du xûşkêd wî – Aminê û Gulnaz hebûne. Ji Amnê pênc ewlad mane, ji Gulnazê heft. Lawê Gulnazê nika li Qazaqîstanêda dijîn. Yek ji wan jî welatparêz û rîsipîkî nav êlêda pir qedir û qîmet Zumretê Evasê Mihoye.

Hê zarotîya xweda Mehmed xwendinê pir hezkirye, loma jî bavê wî ew piçûktîda datîne ber xwendinê. Dibistana navîn Mehmed nehya Zengûbasarê gundê Servanê xilaz dike (Rêspûblîka Ermenîstane) û li bajarê Revanê qebûlî Têxnîkoma Kurdîye Pêdagogîkayê pêş Kavkazê dibe. Wî texnîkomêda gelek gencên kurda xwendine û rewşenbîrên kurdaye wê demê nav û deng – Hecîê Cindî, Emînê Evdal, Casimê Celîl û yêd din kar kirine. Ew wedekî pir kinda ji hêla serwêtîa çawa xandevanekî merîfetî zanê tê naskirinê û serkarê xwendevana tê jibartinê. Çend hurmetnama distîne. Piştî xilaskirina têxnîkomê gondê kurdada dersdarê

zimanê kurdî dixebite. Paşwex-tîê ew qebîla xwe beravî gundê Azerîan vala Semekişê dike. Serka-rîa nehîya Kotaîkê wî sedrê Sovêta gond kivş dike. Ew tevî zavê xwe – Evasê Mihoê Balo – sedrê kolxozê, Hesenê Mehmedê Şemo, Evremanê Momin û bavêd min Elîê Paşê gund da kollektîvîzasîaê teşkîl dîkin û zarokêd kurda didine xwendinê.

Pey destpê bûna Şerê hemdinyaê Duda 1942 salê Mehmed gazi ÇK-yê dîkin û du sala ew unda dibe. Dema ku paşda vedigere, eyan dibe, ku ew tevî kurmamê xwe Wezîrê Nadîrî (kod navê wî – Reşîd Paşa) Kurdistana Îranê, bajarê Makûê kovara “Niştîman” vekirine û tevî hevdu wêda karkirine.

1944 salê Dewleta Sovêtê wî dîsa boy kara sîyasî dişîne Îranê. Vê derheqêda pêzîdêntê kurdên SNG-î ewil Mehmedê Sloê Bava (Babayêv) bîranînê xweda wa dinîvîse:

“Demsala havînê bû. Boy xizmetekê ez çûbûme mala Mehmedê Sarîtaxê. Me hetanî sibê hevdura qal kir. Ser gelek pîrsan axivîn. Dema hev qetyane Mehmedê Slo minra got:

-Kurmet, dewlet min dubar dişîne Îranê.

Lê boy çi, boynet çi nêtê dişîne minra tu tiştî ne got. Me nêzîkî du sala hevdu ne dît. Ew Ermenîstanê nînbû.”

Ji Mehmedê Slo du ewlêd mane – Têmir û Mecîd. Navê kulfeta wî Zeyneb bûye. Herd lawên wî jî heta

nika dijîn. Xwedîyên malbetên pir ewledin. Mecîd dengbêjê radîo Êrevanê pir nav û denge. Ew usan jî helbestvanekî eyane. Wî pir helbest û kilam nîvîsîne. Kilama wîye eyan “Welatê me Kurdîstane”. Dengbêj Sîsa Mecîd keça wîye. Mecîd nika li Qazakîstane dijî. Têmîr – li Krasnodarê (Rûssîa).

Ser hîmê gotina Mehmedê Sloê Miho dema wî bajarê Makûêda kar kirye li wûr zewicîê û keçekî wî bûye. Lê wî navê keça xwe kesîra ne gotîe. Nika Mecîd û Têmîr xûska xwe û zarêd wê digerin.

Dixwazin derengbejî, wê bibînin.

Carekî Mecîd minra wa qalkir: – Ez çûbûme cem Mehmedê Sloê Bava, kîjanko wî 1942, 1944 û 1946 salê boy kara sîasî tevî bavê min xebitîe. Ew zû-zû çûye Mehabadê hatîe.

Wî minra wa qalkir:

– 1946 salê ez boynet kara dewletêye şuxulê sîasî bajarê Mehabadê bûm, malekî da. Odekî ewqasî jî ne mezinda rûniştî bûm. Xortekî hinekî ji min girtîr, bedew, hate cem min, vebîşirî û got “Hevalê Babayev. Rabe, xwe rind-rind tindrûz bike. Qasekî şûnva serok Mehmed Qazîê bê vir”.

Min guhê xwe bawer nekir. Min heya wê demê tenê navê wî bihîstibû, lê wî xwe nedîtî bû. Got û çû.

Qasek buhurî, derî hate kutanê.

Pênc camêrên maqûle bijare ketine hundur, selam dane min. Ez zû ji şûna xwe rabûm û xwast ber bi wana

herim. Yê ewil ketbû hundur, destê xweva eşaretîa “nerehet nebe” da min. Li min nihêrî û got: – Kurê min, ez Mehmed Qazîme.

Destê xwe dirêjî du miruvên din kir – Ev jî herd birêminin – Sefîê Qazî û Sedirê Qazîe. Ew hem jî hewal bendên minin. Ew herdê din jî rewşenbîrên meye pir eyanin.

Ez pêş maqûlî û sadetîa Mehmed Qazî zende girtî mabûm. Ber çavên min reşvedibûn. Guhê min tişt nedibîhîstin. Min qet bawer nedikir, wekî ev însanê pêş min sekinî Mehmed Qazîye.

Vê demê derî dîsa hate kutanê. Xort dîsa kete hundur. Selam da û nêzîkî Mehmed Qazî bû, guhê wîda kire piçe-piçe. Serok vebîşirî.

– “Bila bên, bila ben”, – got.

Wezîrê Nadirî û Mehmedê Slo ketne hundur. Min dema ku ew dîtî, çawa bêjî ronaî kete çavê min. Ruh hate bedena min, guhê min vebûn. Ez zû nêzîkî wan bûm. Me hevdu hemêz kir. Serok tîna xwe da me, vebîşirî, got: – Hûn hevdu nasdikin?

Wezîrê Nadirî dengê nermî merhemet got: – Serok, Mehmed şagirtê mine.

Wî çavê Wezîr nihêrî, dengê hezkirî: – Wezîr, min qet nizani bû, tu him jî dersdarî?

Wezîr dîsa vebîşirî: – Serokê min, ez him jî helbestvanim. Çend pirtûkên min perwerde bûne.

Wî dîsa me nihêrî, kesereke kûr kişand. Çend cara

“Eh, Eh” kir. Vegerîa li Mehmed nihêrî. Destê xwe da ser sermilka wî, kûr nefesa xwe kişand û got: – Binihêrin, bê çiqas xortên meye nolanî weye mêrxase zane, seva bê welatîê nav miletên cudada dihekin, pûç dibin. Bê nav û deng dimînin, naêne naskirinê.

Mehmed wî nihêrî: – Serok, ez û Mehmed kor xal û kor metên hevdune. Em malekêda mezin bûne.

Serok kûr-kûr min nihêrî û got:

– Mehmed, kurê min, de wekî tu kur xalê, (kenîa), hevalê Rewanîyî, îdî her tişt minra eyane. Tuê jî bibî yekî nolî wî...

“Erê” – min jêrra cav da û em derbazî mesela xweye esas bûn.

Wedê Hesenê Hecîsilêman hate cem min, min ev bûyera 1946 salê destpêkê hetanî kutasîê nav nîşan, bi îsbatî, dubar wîra hûrgilî qal kir.

Wî gilî da min, min wîra çawa gotîe, ew usan jî bê şaşî binîvise. Lê, dema min pirtûka wîe “Rîa emir” xwend, rûpêla 76 da rastî tişteki din hatim, zende girtî bûm. Ew dinîvise, dema 1946 salê, bajarê Mehabadê, ez rastî Mehmed Qazî hatinê, xênî Wezîrê Nadîrî kesek li wir tunebûye. Dîsa jî ez bi cawdarîke mezin dibêjim ku, wê rastî hatinêda Wezîr, Mehmed herd jî wur bûn. Mehmed Qazî çend deqîqe dereq mêrxasî û zane bûna Mehmed elametî da û minra got:

– Kurê min, wekî tu kurxalê Mehmedî, ez îdî her tiştî bi te îtbar dikim.

Min Hesenra têtêfon vekir û nerazî bûna xwe daêda.
Wî ji min baxşandin xwest û got:

– Apo, ew ne gunê mine, ew gunê çapxanêye.
Ez nika pirtûka xweye duda hazir dikim. Gilî didim,
wekî wê xwestina te, çawa heye, usa jî biqedînim. Min
bibexşîne!

Çend sala şûnva, ez bajarê Moskvêda rastî hevalekî
xweî ku wê demê tevî me kardikir hatim.

Me derheqa gelek problêmada xeberda. Min derheqa
Mehmedê Slo (Îsa begê Rewanîda) jê pirsî.

Wî got:

– Rewanî, dema Rêspûblîka komela Mehabadê
ku hate damezilandinê, cîgire Mehmed Qazîyî yekê
dihate hesabê. Hurmeta wî pir bilind bûbû. Lê, wedê
1947 salê meha martêda Mehmed Qazî û hogirê wî ku
xaniqandin, me wê şûnva Rewanî ne dît. Me usa jî nizan
bû, ew jî xaniqandin, yanê na?! Diqewime jî partîaê ew
şande cîkî din. Ew mesele heya nika jî tarî maye. Ez
nika îdî wîda naxebitim. Karekî dinva mijûlim.

* * *

Ez pêşniarekê pêşda dikşînim. Pêwîste, wekî
dîrokzanê kurda nika lêkolînekî bikin û derheqa
wî rewşenbîrê welatparêzda tiştekî derxine holê.
Wekî emekê wîyî boynet gel û welatê xwe kişandîe
neyê undakirinê. Dilê ewladên wî rihet bibe.
Şabibin. Wekî ew ewledê kêne.

KEW, BILBIL Û SORGULA TENGEZAR

Pey her şeveke reşe, tarîe, heta dêve tijî xêr û şer, timê sibeke rûkene, zelale, paqîşe, nûye, nazik tê. Hemû bînberên hêlînên xweda rihet razayî hişyar dibin. Hêdî-hêdî hizî dîkin, xwe difirikînin, dadiweşînin, wekî hêlînên xwe derkevin. Her yek ber bi oxira xwe bimeşe. Kew û bilbil jî ji xewa sibêye şîrîn rabibûn. Di xwestin bengzê sibêyî zêrîn pîroz bikin. Bi êrişa wêra bimeşin.

Bilbil berî Kewê dibe mêvana baxçê gul û gulistanê. Ew ber sorgulekê dimelise. Hişmetkar, hişmetkar lê mêze dike. Geh radibe, geh wê bîn dike, geh jî der dora wê çerx dike. Fitil dide xwe, zû-zû dibêje:

Sorgula min, Sorgula mine cindîe, rindike bîn xweş. Xwedê te tenê boynet min xuluqandî, çimku Xwedê min gelekî hezdike, loma bin sîngê min zerva xemilandîe, wekî sibe – sibe te bînkim, eşq û şa ber bi oxira xwe bimeşim.

Vê demê Kew jî xwe Sorgulêra digihîne. Hemû gotin û hereketê Bilbilê dubar, dubar diweklîne. Dû wan gotina Kew û Bilbil hevdura dikevîne hucetê, mencenê. Dengê wan belayî temam gulistanê dibe. Ew dibê: “Sorgul ya mine!”, Ya din dibê: “Na, na, ya mine!” Nav dengê wanda, nişkêva dengê Sorgulê zelalî, paqîş tê bihîstinê. Dibê:

Gelî pismamên mine xwe hezkirye, xwe pir pesinî. Bese hev-dura hûn têkevîne hucetê, hevdu bixêidin, biêşin. Rebbê jorîn ez tenê boynet xwe xuluqandime,

wekî ez tebîeta wêye geş bixemlînim. Rica dikim, dest min vekşînin. Bihêlin ez heta dawîa emrê xwe qasekî bêxof, serbest bijîm. Ji emr têr herime ser dîlovanîa xwe. Nolî mirovên şîrê xav mêtî, min, ser reha min ne qetînin. Ew min dilekî geşî, germî ser reha min qut dîkin. Hurmeteke pir mezinva, çawa nişana hezkirina dilê xwe, xelat didine hezkirîa xwe. Nav wedekî kinda ez hurmet dikevim. Min davêjine bin pîa, dihecqînin, pêpez dîkin. Davêjine nav zibilxana. Loma jî ez mirovên şîrê xav mêtî dibînim, ricaf dikeve bedena min. Daha xweş dibe, wekî her kes şûna xweda bê xof bijî.

Kew û Bilbil hevdu dinihêrin, hev dibaxşînin. Difirin, bilindî ser ezmanê çîkî zelal dibin.

HELBEST Û NÎVÎSARA
VEKÎRÎ BÎ ZÎMANÊ

СТИХИ И ПРОЗА
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ПРОЗА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я И ОДИНОКИЙ СТАРИК ИЗ ХАЛАБДЖИ С РАЗБИТЫМ СЕРДЦЕМ

(Повесть)

В своей жизни, полной многих радостных и горьких мгновений, мне пришлось совершить очень много путешествий. Каждое из них оставило в моем сердце глубокий след. Они являются частью моей бурной молодости. Порой моя жизнь, как кинолента, проходит перед моими глазами, каждый кадр, которого рассказывает о каком-то незабываемом мгновении.

Мои путешествия имели либо хорошую, либо плохую предысторию. Были поездки, которые очень быстро забывались. Но были и такие поездки, о которых невозможно забыть, как бы я этого не хотел. Они навсегда сохранились в моей памяти. Эти воспоминания, которые я сознательно загнал в темные дебри своей памяти, сделав их глухими, немymi

и слепыми, вновь и вновь поднимаются вверх и вынуждают меня рассказать о них. Об одном из них, оставившем глубокий след в моем сердце, я сегодня и хочу рассказать вам, мои уважаемые читатели.

История эта началась так.

Весной 2014 г. я получил радостное и незабываемое известие из Курдистана, которого ждал всю свою жизнь. Союз писателей города Дохук пригласил меня на празднование праздника Навруз. Моя радость не помещалась на небесах и на земле. За короткий промежуток времени на крыльях радости я собрал и оформил все свои документы и стал готовиться к поездке.

Пятого апреля мой старший сын Али привез меня в аэропорт города Алматы, где я сел в самолет, направляющийся в сторону Курдистана. Рядом со мной сидел озабоченный и весь в раздумьях старик. На вид он казался старше меня. Мы поздоровались друг с другом и постепенно разговорились. Он был очень интересным, повидавшим жизнь человеком, прекрасно разговаривающим на нашем диалекте курманджи. Еще народная мудрость курдов гласит – Слово, как листья лука, взаимно дополняют друг друга.

Стюардесса экипажа приятным звонким голосом поздоровалась с пассажирами, объявила:

– Добро пожаловать на наш рейс. Пристегните ремни!

Как только самолет поднялся в небо, она вновь сделала объявление:

– Время шесть часов тридцать минут. Уважаемые пассажиры, в назначенное время наш самолет приземлится в аэропорту города Стамбула, а затем, заправившись, мы продолжим свой полет до конечного места назначения – города Эрбиль.

Прошло некоторое время, я обратил внимание на своего соседа. Он был очень беспокоен. То вставал, то садился, то ерзал на сиденье, глубоко вздыхая. Я задал ему несколько вопросов, на которые он мне не ответил, а только опять тяжело вздохнул и жалобно посмотрел на меня, затем опустив голову, тихо и еле слышным голосом, сказал мне:

– Оф, оф! Брат Бари, я давно за тобой наблюдаю. Видно, ты хороший и грамотный человек. И душой – курд. Клянусь Богом, я решил, все, что есть у меня на душе, все горести и печали, произошедшие со мной, рассказать тебе. Может будет хоть какое-то облегчение и я успокоюсь. Правда, я не знаю, как ты отреагируешь, когда все узнаешь?

Я по происхождению курд-соран. Коренной житель города Халабджи. Родился в большой семье. У меня было много родственников, с которыми я поддерживал отношения. Нас самих было

пять братьев и четыре сестры. Наши родители, перед тем как предстать перед Богом, успели нас братьев поженить, а сестер наших выдать замуж. Мы построили себе дома рядом друг с другом. Я был самым старшим из всех. У меня было три сына и две дочки. Двух своих дочек я выдал замуж и женил одного своего сына. Были у меня внуки... Жили мы не очень хорошо. С одной стороны нас угнетал Саддам, с другой – угнетала нищета и безработица. Но все же, мы были счастливы, так как были вместе, жили рядом друг с другом, вместе делили все горести и радости, помогали друг другу преодолевать тяготы судьбы.

Жена моя была из уважаемой семьи, и приходилось мне дальней родственницей. Я занимался делами вне дома, а она вела хозяйство. Так дни проходили один за другим. Семья наша только на завтрак и ужин собиралась вместе. Мы благодарили Всевышнего.

Однажды я по одному очень важному делу поехал в город Сулеймани и остановился у своего друга на ночевку. Рано утром, я еще спал, он со слезами на глазах вбежал в мою комнату и стал кричать:

– Вай, отец мой! Вай!!!

Я испугался, спрыгнул с постели, спросил его, что случилось. Он не ответил мне, а только рыдал и приговаривал:

– Вай, вай! Вай, отец мой! Вай!!!

Затем чуть-чуть успокоившись и придя в себя, он сказал мне:

– Что ты лежишь, вставай! Говорят, сегодня рано утром обезумевший Саддам сбросил на Халабджу химические бомбы, стерев город с лица земли!!! Несколько тысяч людей погибли! Десятки тысяч ранены! Оставшиеся в живых жители сбежали на окраины города! Саддамовские войска окружили город и уничтожают их! Груды обезображенных трупов заполонили улицы города!

Быстро одевшись, я вышел из дома и побежал в сторону Халабджи. Я потерял голову и не знал, что делаю. Останавливаясь, чтобы немножко передохнуть, я вновь бежал. Только на следующее утро я достиг черты Халабджи. Огромное химическое облако окутало город. Оставшиеся в живых жители в ночных рубашках без еды, без питья бежали из города и прятались кто где мог. Дети плакали, раненные стонали, старики и старушки рыдали! Крики и стоны людей заглушали голоса оставшихся без хозяев животных! От этой картины можно было сойти с ума! Никто не отвечал на твои вопросы. От взрыва бомб и увиденных разрушений и смертей люди потеряли способность слышать и говорить! После некоторых усилий мне удалось найти человека, который был

в состоянии говорить. Он узнал меня. Я спросил его о своем доме и своей семье. На что он мне ответил:

— Брат мой, люди говорят, что в самом городе никто практически не уцелел. Халабджа превращена в руины! А те, кто пытались бежать были уничтожены саддамовскими головорезами. Людей, которых ты здесь видишь — это в основном люди из окраин города, которым удалось спастись чудом!

Несколько дней я искал среди оставшихся в живых свою семью. В один из этих кошмарных дней я и мой знакомый нашли врача-иностранца. После долгих уговоров и просьб нам удалось договориться с ним, чтобы он дал нам медицинский халат и запустил нас в город вместе с другими врачами.

Город невозможно было узнать. Среди руин я нашел нашу улицу и наши дома! Картина была страшной! Ничего не напоминало о прежней жизни! Только груда камней и обезображенные трупы! Врач предупредил нас, что ничего трогать нельзя, так как все отравлено! От увиденного я потерял сознание, очнулся я вновь среди беженцев. Больше я этого врача не видел.

С этого дня я остался без дома, без семьи, без детей! Один, никому не нужный. С сердцем, об-

литом кровью, в печали и трауре, я покидал вместе с остальными беженцами свой дом, свой город, свою Родину! Я за всю свою жизнь, кроме Халабджи и Сулеймани, больше нигде не был! Друг мой, с которым я успел подружиться в эти дни в отличие от меня побывал во многих местах. Он был моложе меня. Он тоже, как и я, все потерял и также бежал от зверств Саддама и его собак!

Через несколько дней мы присоединились к другой группе беженцев, также, как и мы, бежавших с родных земель. Во главе группы был пожилой человек, который принял нас и вкратце рассказал о некоторых правилах и условиях, с которыми мы согласились. Несколько месяцев мы шли от одной деревни до другой, от одного города к другому. Некоторые не выдержали голода и холода и умерли в дороге. Похоронив и оплакав их, мы вновь продолжали идти...

В один из дней, похоронив вновь нескольких умерших людей, глава группы, прочитав Фатху (мусульманская молитва) и вытерев глаза от слез, сказал нам:

– Да простят их души нас. За то, что мы их хороним без кяфана (саван), без муллы, на краях дорог.

Спустя несколько месяцев мы дошли до одного города, который весь утопал в зелени.

Глава группы, собрав нас всех вместе, сказал нам:

— Друзья мои, я вас несколько месяцев вел, чтобы достигнуть именно этого города. Этот город называется Франкфурт, а страна — Германия. Здепние люди очень гостеприимны и хорошо относятся к беженцам. Здесь вы можете найти себе кров и работу.

На улицах Франкфурта мы встретили таких же беженцев как и мы. Они свободно гуляли по городу. Каждый из них говорил на своем языке. Мы познакомились с ними. Среди них были и курды, которые как и мы, сбежали от зверств Саддама. Они уже давно жили здесь и знали обычаи и традиции местных жителей. Нас разместили в доме, который был больше похожим на хлев. Обосновавшись, каждый из нас стал искать себе способ выжить. Кто-то попрошайничал на улице, кого-то местные жители забирали для выполнения работ по дому, но вечерами мы все собирались вместе. И кто что принес, ставилось на дастархан и мы все вместе ужинали.

Через какое-то время один из моих друзей сказал мне:

— Брат Рапо, как ты относишься к физической работе?

На что я ему ответил:

– Друг мой, я люблю работать. В Халабдже у меня была земля. Каждый год я ее обрабатывал, копал, сажал овощи, окучивал. Я пока еще в состоянии выполнить любую работу, будь она тяжелой либо легкой.

Мне тогда уже было около шестидесяти лет.

Он ответил мне:

– Ну, раз так, завтра я тебя отведу в дом одного немца. Он очень хороший человек. Я какое-то время работал у него. Он живет вместе со своей старушкой. Никого у них нет. По крайней мере, я еще не видел их детей, хотя он говорил, что дети у него есть. Ему нужен такой работоспособный человек как ты.

Наступило утро. Я и мой друг направились в дом этого немца, который находился на окраине города. Дом немножко был похож на деревенский. Мы постучались, нам открыл хозяин дома. Он казался очень спокойным и рассудительным человеком. Они поговорили друг с другом на немецком (мой друг немножко знал немецкий). Затем он улыбнулся и сказал мне:

– Дядя Рапо, ты очень понравился ему. С сегодняшнего дня ты будешь жить и работать у него.

После чего он попрощался с нами и ушел. Я его больше не видел. Меня пригласили в дом, я во-

шел во внутрь, где меня встретила очень приятная пожилая женщина. Старик показал на меня рукой и что-то сказал на немецком. Старушка заулыбалась и протянула мне руку. Я не понимал, что она у меня спросила и что ей надо? Я посмотрел ей в глаза. Она положила мне руки на плечи и знаком пояснила, чтобы я сел и сама вышла из комнаты. Через некоторое время меня пригласили за стол. После того как мы поели, они вывели меня в свой огород. Огород был небольшим, но ухоженным. Сорняки колонизировали все. Были несколько яблочных и вишневых деревьев. По всему было видно, что хозяева живут небогато. Руками они мне показали мою каждодневную работу. Я кивнул головой и сказал им на курдском, что с сегодняшнего дня я буду прислужить вам и выполнять все ваши поручения. Правда, они никогда не относились ко мне как к прислуге. Они уважали меня и относились ко мне как к своему сыну. Мы вместе завтракали, обедали и ужинали. Во время обеда и ужина старик наливал мне, себе и своей жене стакан красного вина. Сколько они не просили меня выпить с ними, я так и не согласился. Несколько лет я прожил у них. С утра до вечера я ухаживал за домом и огородом. Им моя работа очень нравилась. Прошли годы, вначале умерла старушка, а через два года умер старик. Я вновь

остался один, никому ненужный. Я так привык к ним, что порой даже забывал о своем горе.

В один из дней в дверь постучались. На пороге стояли мужчина и женщина средних лет.

— Я — сын хозяев дома, — сказал мужчина.

Я пригласил их домой и как требуется по нашим обычаям, ухаживал за ними. Они прожили около месяца. Как-то во время прогулки, он сказал мне:

— Дядя (пауза), я в курсе, что все эти долгие годы вы ухаживали за моими родителями. Они были очень довольны вами и всегда хвалили вас. Они вас считали своим сыном. Но все имеет начало и конец. Их нет. А я хотел бы продать дом. Если хотите, купите его себе. Я вам продам ниже рыночной стоимости. Все равно вы уже тоже имеете свою долю в этом доме.

Я посмотрел в его глаза, улыбнулся и сказал ему:

— Сын мой, брат мой, я все эти долгие годы работал у твоих родителей не за зарплату, а за еду и кров. Что мне нужно было, твои родители делали для меня. Пусть земля им будет пухом! Я очень доволен ими. Если бы не их поддержка, сегодня меня бы уже не было. Пойми меня правильно, но я больше не хочу здесь оставаться. Время моей смерти приближается. Я хочу вернуться к себе на

родину, чтобы умереть на родной земле. Может так мое сердце успокоится?

Спустя какое-то время он продал дом, часть денег отдал и мне, попрощался и уехал. Я вновь вернулся к беженцам. Несколько месяцев прожил с ними.

Через некоторое время один из беженцев, молодой красивый курд, сказал мне:

— Дядя Рапо, я слышал, что ты хочешь вернуться на Родину. Я могу помочь тебе.

Я заплакал и начал умолять его о помощи.

Несколько дней спустя он отвел меня к большому зданию и сказал:

— Дядя, в этом здании находится курдский центр и все беженцы из Курдистана приходят сюда за помощью.

Мы вошли вовнутрь, он отвел меня к очень культурному и солидно одетому мужчине, который с большим почтением и уважением принял меня. Я рассказал ему все, что произошло со мной. Он прослезился и сказал мне:

— Дядя, ни о чем не переживай. Я в ближайшем будущем отправлю тебя в твою любимую Халабджу. И все твои расходы возьму на себя.

— Нет, сын мой, — ответил я ему, — в деньгах я не нуждаюсь. Да благословит тебя Всевышний, деньги у меня есть.

— Ну, раз так, — ответил он, — тогда я поручу тебя одному из наших ребят. Он бизнесмен из Казахстана, приехал к нам по своим делам и скоро обратно возвращается к себе домой. Он тебя, — улыбаясь, сказал он, — на своей спине отвезет в Казахстан, а оттуда отправит в Халабджу.

Несколько дней спустя, этот человек вновь пригласил меня к себе. Четверо красивых молодых ребят сидели у него. Он показал на одного из них и сказал мне:

— Дядя Рапо, вот этот юноша в твоём рас-поряжении.

Тот встал, подошел ко мне, поцеловал мою руку и представился:

— Дядя, меня зовут Карам. Ни о чем не переживайте. Вы вместе со мной полетите в Казахстан. И оттуда, когда захотите, я вас посажу в самолет и отправлю в Халабджу.

Тот солидный человек посмотрел на Караму и повторно сказал ему:

— Карам, ты уже сам знаешь, что надо делать!

Карам положил руку на оба глаза, и, улыбаясь, ответил ему:

— Да, мой ага. Стопроцентно будьте спокойны. Как вы хотите, так я и сделаю.

Я попрощался со всеми и вышел на ули-

цу. Через несколько минут вышел и Карам. Улыбнулся, взял меня за руку и сказал:

— Дядя Рапо, с сегодняшнего дня вы без меня уже никуда не можете идти. Вас поручили мне. Сходите, соберите свои вещи, пойдемте ко мне в отель. Скоро нам надо собираться в дорогу.

Я улыбнулся и ответил ему:

— Сынок, у меня ничего нет. Как гласит пословица: Только я и мой посох.

Он засмеялся:

— Ну, раз так, тогда пойдемте.

Он взял меня за руки и мы вместе поехали в отель, где он остановился. Спустя три дня сели в самолет и прилетели в Казахстан. Неделю я жил у них. Его родители, супруга приняли меня у себя с большим уважением, до конца жизни я буду благодарен им и не забуду их доброту.

Позавчера буквально, я сказал Караму:

— Сынок, что ты насчет меня думаешь? Когда меня отправишь домой?

Он засмеялся:

— Дядя Рапо, может не стоит никуда ехать?

Я посмотрел на него и заплакал:

— Нет, сынок, Аллах один и дорога одна (курдская пословица).

Его родители тоже вместе со мной заплакали. Я им до этого рассказал свою историю. Благодаря

усилиям этого молодого человека, сегодня я лечу с тобой, брат Бари в одном самолете. Дай Бог ему долгих лет жизни и всех благ!

Для того чтобы успокоить старика я улыбнулся и сказал ему:

— Брат мой, не переживай и не огорчайся, считай меня вторым Карамом. Он тебя привел сюда, я тебя отведу напрямик в твою любимую Халабджу. Пускай только Всевышний сделает нашу дорогу открытым.

На его уставшем и опечаленном лице появилась улыбка.

Ночь мы провели в отеле. На следующий день, я взял в аренду машину. Ближе к вечеру мы доехали до Халабджи. Моя машина плавно передвигалась по широким асфальтированным дорогам Курдистана. Я с горечью в сердце присматривался к каждому дому, к каждой улице, к каждому зданию своей Родины. Хотелось и плакать, и радоваться. Когда я вспоминал те тяжелые дни, которые пришлось пережить жителям Халабджи, те разрушенные дома, превращенный в руины город, трупы мирных жителей, отравленных химическим оружием — глаза мои наполнялись слезами. Затем, я смотрел на Халабджу с домами красивой архитектуры, широкими улицами, садами разноцветных цветов, аллеями из деревьев и кустарников, на мо-

лодых девушек и ребят, сладко разговаривающих в парках и не знающих, что такое война и разрушения, в эти мгновенья мое сердце радовалось. Я вспомнил слова наших предков – «После каждой темной ночи, наступает рассвет». Погруженный в свои мысли я ехал по городу, как вдруг мой приятель окликнул меня.

– Остановись здесь!

Я нажал на тормоз. Машина резко остановилась. Он быстро открыл дверь и вышел из машины. Задрожал, пошатнулся, но я не дал ему упасть. Около дороги была обочина, на которой стоял небольшой черный камень. Он побежал в сторону камня и упал на колени. Несколько раз поцеловал землю. Снова встал и вновь побежал в сторону камня. Обнял камень, и, приговаривая, начал громко рыдать. Я пытался успокоить и поднять его.

– Брат Рашо, хватит! Что было, то прошло. Назад не вернешь. Давай, вставай, поедem. Нам еще далеко ехать. Мы еще должны доехать до Дохука.

Я уже тоже вместе с ним плакал. Он посмотрел на меня, посмотрел вокруг себя и вновь застонал:

– Брат Бари, вот на этой пустой земле, когда-то стоял мой дом. И этот камень я положил сюда. Слава Богу, что она не растаяла от бомб.

Мы оба вновь заплакали.

— Брат мой, ты исполнил мечту моего сердца. Видит Бог, я доволен тобой! Пускай Всевышний также исполнит твои мечты. Пускай камни под твоими ногами превратятся в сыр (курдская поговорка). Чтобы ты был далек от всяких невзгод и бед! Езжай, брат мой, езжай! Пускай Всевышний сделает твой путь открытым! Я останусь со своей семьей, со своим домом! Я хочу обнять каждого из них, пообщаться, поплакать над ними. Рассказать им все, что накопилось у меня на душе за эти годы. Я с этих мест больше никуда не уеду! Все последние годы я ждал этого мгновенья! Счастливой тебе дороги!

Сколько я не просил, не умолял его, поехать со мной, он отказался. Не добившись ничего, я попрощался с ним и сделал несколько шагов от него. Он повернулся ко мне и слабым, еле слышным голосом сказал мне:

— Брат мой, прошу тебя, на обратном пути навести меня, чтобы я мог увидеть тебя в последний раз.

Я вновь направился к нему. Мы обнялись и зарыдали.

Я ему дал слово, что пока не заеду на обратном пути не проведаю его, домой не уеду.

Мы расстались. Я пошел к машине и вновь

обернулся в его сторону. Он сидел на коленях, обняв камень, и рыдал. Увидевшие эту картину люди, подумали бы, что старик либо сошел с ума, либо он боится, что у него отберут этот камень, либо под камнем находится клад, поэтому он его так обнял, чтобы никому не отдать.

Я уехал, он остался...

Прошло несколько дней, я завершил свои дела в Дохуке и собирался уже возвращаться домой. Вдруг, я вспомнил про свое обещание, данное старику. Спустя два дня я приехал в Халабджу. Был уже полдень. Я подъехал к тому месту, где оставил старика, но его не было. Был только камень, на котором был завязан черный платок. Мне все стало ясно. Я заплакал. Посмотрел вокруг себя. Сзади меня стояла женщина средних лет и тоже смотрела на камень. Я спросил ее про своего друга и про черный платок на камне. Она, глубоко вздохнув, ответила мне:

— Я живу на этой улице. Вон мой дом. Мы поселились здесь несколько лет назад. Вот уже несколько дней перед этим камнем сидел одинокий старик. Он то плакал, то обнимал камень, то вставал, то снова садился и плакал. Ни днем, ни ночью он никуда не уходил. Мы очень просили его быть нашим гостем. Он нам всем отказал. Еду, которую мы ему приносили, он не ел, только пил

воду. В один из дней, проснувшись рано утром, мы заметили, что старик лежит около камня. Мы побежали в его сторону. Он был мертв. Собравшись вместе, мы похоронили его. Аксакалы деревни привязали этот платок к камню, как знак траура по старику (курдский национальный обычай).

Я не удержался от услышленного, зарыдал. Попросил ее, чтобы она отвела меня к его могиле. На кладбище я прочитал молитву. Его могила находилась на возвышенности, откуда открывался вид на всю Халабджу. Резкая боль пронзила мне сердце.

— Брат Рапо, все, что ты видел, все, что с тобой произошло, я даже своему врагу не пожелаю. Но сейчас, ты счастливый человек. Исполнилось желание твоего сердца. Ты похоронен на свободной земле Курдистана. Пусть земля будет тебе пухом. С этого мгновенья больше никто не может обидеть тебя. Сдвинуть тебя с места. Как бы я хотел тоже быть похороненным на свободной земле Курдистана.

В печали я вспомнил слова стихотворения, которые я записал еще много лет назад.

Delalê min bigere,
Temam dinê bigere,
Kî bûna xwe bîr meke,

Welatê tey şîrîne,
Welatê xwe vegere.

— Милый мой друг, путешествуй,
По всему миру путешествуй,
Не забывай только, кто есть ты.
Нет места Родины слаще
Возвращайся обратно,
Где бы ни был ты.
(Построчный перевод)

Вот таким образом закончилась эта моя поездка, полная боли и печали. Она оставила в моем сердце такой глубокий след, что до конца своей жизни, я не смогу это забыть. Вновь и вновь произошедшие события, как кинолента, проходят перед моими глазами...

Перевел Anarê Barîê Bala

СТИХОТВОРЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я – БАРИ

Прошло мое детство в слезах и печали:
Войной обделенный, я рос сиротой
Мы ждали отца, ах, как мы его ждали!
Несбывшейся он оставался мечтой
Отец – это слово со мною повсюду,
А руки отцовские только во сне.
Не знал я отца, никогда не забуду,
Как много обидного выпало мне.
Мне ноги кололи колючки и камни,
Нагой и босой я ходил за скотом.
Мне мать промывала загнившие раны.
А школу пришлось отложить на потом.
И в первый свой класс я пошел только в десять—
Смеялись над тем семилетние дети.
От голода тело не мог я согреть,
Заснув, хоть во сне на отца посмотреть.
...Отец приходил – это было во сне,
Всегда кусок хлеба протягивал мне.

С работою мать управлялась едва,
Свечою сгорала, и в тридцать — вдова.
Шли годы. Не все возвратились домой,
И мама осталась вдовой молодой.
А старшему брату я стал словно сын,
Не дал мне угаснуть лишь Махмадамин:
Он за руку взял, наяву, не во сне,
Сказал: — Наш отец поручил тебя мне!
Я выбрал свой путь, он был честен и прям,
Советовал брат, но стремился я сам.
Наладилась жизнь, потихоньку пошла,
Потом полетела, как к цели стрела.
Я выбрал свой путь, устремился вперед,
И стал идеалом мне курдский народ!
И всю свою жизнь, не во сне, наяву,
Я ради народа тружусь и живу!
Тяжелую ношу несу на плечах,
Но сердца огонь и сейчас не зачах!
Пусть годы прошли, изменилась страна.
И лучшие, знаю, пришли времена.
Теперь молодежи открыты пути,
И в новую жизнь можно честно идти.
Лишь только иди и учись, не ленись!
Лишь только во благо народа трудись!
Люби свой народ, жизнь построй без изъяна,
Как светлые, чистые воды Зам-Зама.

*Вольный перевод с курдского
Марины Стукалиной*

Барие Бала с женой Дильбар

Семья Барие Бала

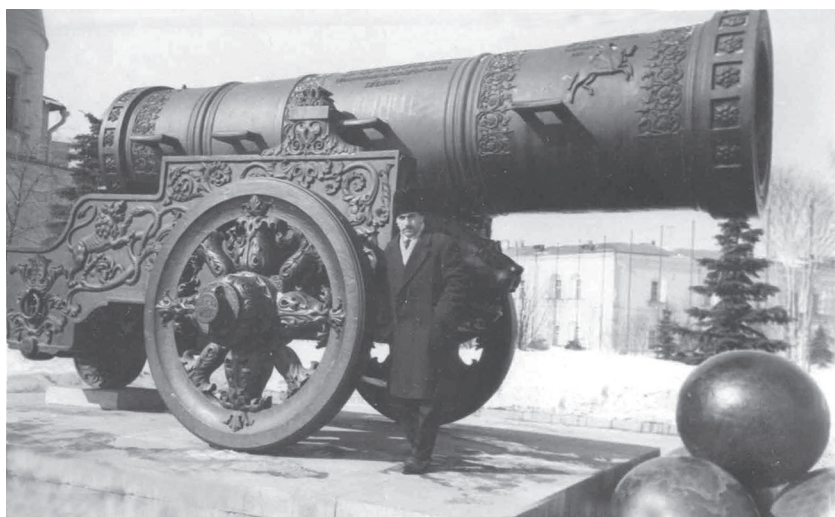
Братя Барие Бала (*слева направо*)
Хаджи Мухаммадамин и Хаджи Князь

(*Справа налево сидят*) Амарике Сардар и Гачахе
Мырад, (*стоят*) Барие Бала, двое учащихся
из Египта, Вазире Ашо и Салых Саяди

Барие Бала со соими братъями, слева Хажди Князь,
справа – Ахмеде Алие Паша

ЕДИНСТВО

Единство — горный растопит лед,
В морях, океанах тайфуном пройдет.
Ломает темные тюрьмы, без слов,
Своих на колени ставит врагов.
Это — сладкий вкус на губах,
Это — огонь и свет в глазах.
Честь и достоинство всех людей,
Свобода и мир страны твоей!
Это — богатство, его не счесть,
Всё, что захочешь в единстве есть.
Когда подходишь к нему с умом.
Плоды единства увидишь в нем.
Слаще этого вкуса нет,
Достоинство человека и свет!
Народ, который не объединить,
Врагу его двери легко открыть.
И слова лишают его и прав,
Как стадо гонят, свободу поправ.
И в рабство жестоко его заковали,
Бездомным, в страданье до смерти забрали.
Смеются над ним, беспомощен он,
О будущем думать он права лишен.
Считаться не будут с народом таким,
В огне уничтожат в мученьях живым.
И все от него убегают как смерч,
О дружбе с таким не ведется и речь.
Его государство — сытый живот,
В собраниях места никто не дает.
Изранено сердце, отрезан язык,
Бесцельные годы стекают в арык.

Плачевное в нем состояние горит,
Цена — кусок хлеба, где бросят — бежит.
Никто и не спросит: «Как ты живешь?»
А в сердце его страхи и дрожь.
Я обращаюсь к тебе, мой народ!
Прислушайся, голос тебя мой зовет!
Сладкую речь шепчет враг интриган,
Змеиным шипеньем услышите обман!
Нож к горлу приставлен, время пришло!
Свобода идет! Используй его!
Все объединитесь в единый кулак!
И бейте! И пусть убирается враг!
Его уничтожьте! Свобода на век!
Без Родины ты — не человек!
Ты без крыльев с поникшей головой!
Тебя поздравляю с этой борьбой!
Не останавливайтесь! Вперед!
Внуки Кавы — Единство зовет!

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

КУДА ИДТИ? ГДЕ ИСКАТЬ?

Мне места нет совсем нигде,
Не в городах, не в селах.
Я только слышу крик везде:
— Уйди скорей, не тронь чужое.

Я в мыслях крикнул в небеса,
— Так дай же мне приюта.
И глас ответил свысока,
— Нет в небе места для тебя.

И к Богу я воззвал тогда,
— Зачем же ты создал меня,
Коль нету места для меня,
И нет земли родной,
И нету дома.

И вот пришел ко мне ответ,
Мое создание, не ропщи!
Ведь есть страна твоя родная.
С колен народ свой подними.
Взвей Курдистана знамя.

Свое ты место защити,
И прогони захватчиков из дома.
И жизнь свою на это положи,
Не дай такому повторится снова.

Очнулся я от сна,
Взглянул на мир открыто.
У всех есть родина своя,
Лишь для меня моя закрыта.

И взял тогда свое ружье,
Упал я в ноги маме.
И клятву я вознес тогда,
Вернуть нам землю, данную богами.

Весь мир огромный передо мной,
В нем есть добро и есть пороки.
И ветры дуют надо мной,
В пыль растирая страхи.

Я шел со снегами и дождем,
Прошел я горы и равнины.
И отложил ружье свое,
Только добившись свободы!

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, ПРОШУ ВАС, ВСЕ СОБЕРИТЕСЬ ЗДЕСЬ

*Посвящаю шахидам Кобани, Мосула,
Шангала и всего Курдистана.
Пусть земля им будет пухом.
Мы отомстим за них!*

На помощь! Спешите! Услышит пусть каждый!
Идите сюда! Кто пеший, кто скачут
Пусть за шахидов – героев наших
Ваши сердца с нашими плачут.

Что творит ДАИШ? Смотрите!
Услышьте, кричите! Что оставим потомкам
Кровь моего народа пролита,
Течет как река, бурным потоком.

Аллах говорят, зикр делают смело,
Акбар говорят, все вокруг разрушают.
Дорога за ними покрыто пеплом,
Нет на земле такого Ислама!

Вселенная и небеса ужаснулись,
Солнце и месяц обижены смертью.
Идите сюда! Вместе мы – сила!
Спасем людей от кровавого смерча.

Младенец груди материнской ищет...
Но нет молока, убита родная.

Огнем старики и старушки дышат,
И стонут, нелюди жалость не знают!

По миру рассыпались сироты в горе,
Родителей нет, голов их лишили.
И тени нет, и места нет, сплошное море,
Море из трупов, их не хоронили.

Хватит так жить, поднимемся с места
Ведь на своей же земле страдаем!
Мы тоже созданы с Вами вместе
Но за какие грехи умираем?!

Нас убивают, а вы молчите,
Руки ДАИШ-у могли бы отрезать,
Придите! Оружие с нами берите!
Избавимся вместе от головорезов!

Откроем глаза пред историей нашей,
Мы Аюбидов внуки – примите!
Войнами снова Восток охваченный
Вновь курды народы освободите!

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

ПЕРЕД МОГИЛОЙ БЕССМЕРТНОГО ЛИДЕРА СВОЕГО НАРОДА

*Посвящая 110-летию
великого бессмертного лидера
курдского народа
генерала Муллы Мустафы Барзани*

Все, кто родился когда-нибудь, умрут,
Но не числом народ ведет свой счет,
Лишь потому, кто за собой его ведет,
Весь мир познает тот народ.

Не каждый день рождаются храбрецы,
Чтобы народ за собой вести.
И дух народа в лидере живет,
Угаснет дух, народ уйдет.

Он стал народу путеводной звездой,
И осветил их путь к свободе.
И нет тех слов,
Чтобы хвалу ему пропели.

Он ради нас пошел на все,
Сидел в тюрьме,
Не спал ночами,
И воевал с убийцами, палачами.

Ему покинуть Родину пришлось,
В его глазах вся боль его народа.
Но цель свою он не предал,
Стремился к ней без усталости и страха.

Прогнав врага,
Изгнав тирана.
Мы из руин подняли города,
Страну отстроив заново.

Так посмотри ж на родину свою,
Отныне твой народ единый.
И в каждом реет углу
Наш гордый флаг трехцветный.

Твои помыслы и мечты
Осуществлены твоим народом,
Под чистым небом голубым
Свободно живут курды.

И из поколения молодежь
К твоей святой могиле
Будут нести цветы,
И клятва наша в силе.

Я тоже горсть земли
С нее возьму,
Она для всех таких как я —
Святыня!

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

Я – БЕЖЕНЕЦ

Изнывает от боли, рыдает душа,
Не могу успокоиться, ели дыша.
Вечный беженец, и устал и продрог,
Предстоит мне пройти еще сотни дорог.
Долго ль буду испытывать горе и страх?!
Где найду я гнездо, объясни мне, Аллах?!
Залечи мои раны и путь мне открой,
Где земля, что мне станет навеки родной?
Родники и озера, поля и леса, –
Там свободы и радости есть голоса
Там душой отдохну,
Полной грудью вдохну,
И судьбе своей смело в глаза загляну!
Как прервать мне безрадостных дней череду?
Я без дома... – не знаю,
Куда я иду?

...Но Всевышний молчит,
Снова путь предстоит...

*Вольный перевод с курдского
Марины Стукалиной*

РОДИНА

Я твой заблудший сын, ты — Родина моя,
Твоя краса меня пленила.
Всему я миру возвещу,
Что здесь моя земля.
И нет на сердце раны.
Отныне, я — не сирота.

Свободным я пройду, по Родине своей,
И обниму леса, поля, и горы.
Среди деревьев отдохну.
И радость в мирных днях найду.

И вернется смех в жизнь мою,
Окончатся скитанья по дорогам.
В фундамент дома камень заложу,
И боль из сердца выпущу я снова.

Труды свои я в землю возложу,
И, наконец, увижу всходы.
Свой долг сыновий, Родина, тебе верну,
В родной земле отныне упокоюсь.

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

ЛАЧИН

Лачин, Лачин, Лачин — наш дом
У нас отобранный врагом.
Не можем мы его отдать!
Врагов своих должны прогнать!

Лачин, Лачин, Лачин — не так далек,
Он нашей Родины кусок.
Там снег идет, растет цветник,
И сладок, чист его родник.

Лачин, Лачин, Лачин наш — рай,
Он — Уважаемых жителей край.
Мы земли предков сохраним,
И от врагов освободим!

Лачин, Лачин, Лачин наш — клад,
Честь и достоинство — стар и млад.
Не может ребенок без матери быть,
Лачин с Курдистаном надо объединить!

Ред.: Лачин — столица Красного Курдистана,
образованного в 1923 г. и
упраздненного Сталином в 1929 г.

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

ЧТО ТАКОЕ ЗЕМЛЯ?

Сынок, земля бесценный дар,
Держи его двумя руками.
И не найдет замены тот,
Кто был лишен его Богами.

Спасет тебя земля твоя,
Излечит раны.
Храни ее и воспевай стихами
Она — душа твоя!

Отдай же все, но сбереги ее,
Утраченное вновь не возвратится.
Всегда найдутся те,
Кто за чужое будут биться.

Ценней она и злата и камней.
В ней жизнь твоя,
Твоя земля бесценна!
Так дорожи же ей!

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

СВОБОДА

И сладок вкус свободы,
Нет жизни без нее.
И тот народ, что потерял свободу,
Бесцельна жизнь его.

Терниста и извилиста дорога,
В труде к свободе путь.
И чтобы быть его достойным.
Народ единым должен быть.

Бесценен дар свободы,
Не потеряй его.
Объединившись вместе.
Гони врага с земли родной!

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

КУРДЯНКА

Я не стану тебя сравнивать с водой,
Потому что ты прозрачнее воды.
И с розой не сравню тебя –
Ведь много больше, чем она, благоухаешь ты.

И не с жемчужиной, рубином красным –
Ты драгоценней всех этих камней.
И мед я не сравню с тобою,
Ты его слаще и вкусней.

Ни с солнцем, ни с луной со звездами во тьме,
Ни с реками и родниками тоже,
Покорно одного лишь ждешь,
Не думая о чем-то приземленном.

Ты появилась из самой природы,
Зеленый, красный, желтый так тебе к лицу,
Все естество твое весьма прелестно,
И род твой знаменит во всем миру.

Кто хоть однажды увидал тебя, влюбился,
И нет нежней тебя и так уверенной в себе,
Как видно, наш Господь с большой охотой
Своими же руками создал твой портрет.

Тебя вскормила молоком своим
Отважная и героическая мать.
И ни к чему тем, кто с рожденья — прелесть,
Роскошные наряды, грим и макияж.

Кокетливо завей свой локон у виска,
И толстые заплети косы,
Но глаз своих чарующих не подводи,
Не крась ничем свои вразлет ты брови.

Ведь не нуждается лицо, прекрасное с рожденья,
Ни в краске, ни в излишней суете,
Ты и без этого прекрасна, без сомненья,
Без парфюмерии и благовоний всех.

Воинственный боец, заботливая мать,
Бальзам для многих ран мощнейший.
И честь, и совесть — вот твоя корона,
А Курдистан — ценнейшее из украшений.

*Перевод с курдского
Нура САРДАРЯН (Нура Амафик)*

МАРИНА

*Посвящается поэтессе Марине Стукалиной,
подруге по перу, переводчику стихов
Барие Бала на русский язык*

Твоё имя возникло из бездны морской,
Море вторит: Марина! Марина!
Алый парус бежит за тобой
И рокошет прибой,
Словно в повести Грина.
Эхом пушкинских сказок на остров Буян,
Улетает мечты каравелла,
А на острове снов,
Ожерелье таинственных слов —
Всё там, как ты хотела.
В твоём сердце Факи и Хани,
И Вагиф, и Руми, —
Всё я знаю об этом.
Я ты так не сказал,
Я бы строк этих не написал.
Если б не был поэтом.
На Босфоре, где ты родилась,
Побывали элины, и скифы, и саки.
Нет границ у земли,
И в Великой степи
На Или
Нашей дружбы колышались маки.
В сердце курдов — на древней казахской земле
Ты прекрасным цветком прорастаешь,
Словно птица над миром паришь,
О добре, о любви говоришь,

Иногда в Курдистан залетаешь.
Жаль, что в радостной жизни,
В начале пути,
Мы друг друга не знали.
Мы бы многое перевели,
Мы бы многое вместе сказали.
Будь сестра моим другом сегодня,
И вместе мы многое сможем,-
Я знаю об этом.
Я бы так не сказал,
Я бы строк этих не написал,
Если б не был поэтом.
С днем рожденья, сестра!
Степь, как море, рокошет:
Марина! Марина!
Горным эхом
На солнце сияют седые вершины.
Наши светлые песни
Мы ветром озвучим летящим,
И друг друга мы не огорчим.
Мы еще прозвучим,
Сделав будущее настоящим!

*Вольный перевод с курдского
Марины Стукалиной*

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Кружатся, мягко сыпятся воздушные снежинки,
Но милая моя сейчас так далека,
И где она — не ведаю, не знаю,
А вдруг под этим первым снегом, как и я?
Ее волнистые и шелковые кудри
Окрасил легкий снег в прелестный белый цвет.
Но тает он, и капелька за каплей
Глаза и брови увлажняет ей.
Как я хотел бы этим белым, мягким снегом
Тихонечко осесть на губы нежные ее,
Растаять, но остаться на волшебном ложе
И обрести душевный мой покой.
И что бы ни случилось, ни стряслось,
Пристанище свое я не покину, не уйду,
Не сдвинусь с места этого я ни за что,
Ведь не спешу и никуда не тороплюсь.

*Перевод с курдского
Нура САРДАРЯН (Нура Амарик)*

ЭЙ, БЕССОВЕСТНАЯ

Тебя одну я полюбил,
Но ты не замечала.
На зовы сердца моего,
Совсем не отвечала.

Я был в ногах твоим рабом,
Ты даже взгляд не подарила,
Но я ушел,
Когда любви обрушилась твердыня.

Нет места для любви в душе твоей.
И почему же так? Не знаю это,
И плачь души моей.
Он не найдет в тебе ответа.

От мала до велика.
Тебя ругали все,
И злобу изливая,
Нас осуждали все...

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

ТЕБЯ ИЩУ, А ТЕБЯ НЕТ

Проходит миг, проходит час,
Проходят дни и месяцы,
Минуют годы и сезоны,
Но не могу найти тебя,
Тебя, однако, нет.

Красотки всяко разные
Со смехом на устах,
Гурьбой ли, в одиночку ли
Проходят, я смотрю им вслед,
Но не могу найти тебя,
Тебя, однако, нет.

Будь торжество или поминки,
Свадьбы иль веселье чье,
И сход народу разного,
Ищу средь них твой силуэт,
Но не могу найти тебя,
Тебя, однако, нет.

Вне дома иль внутри него,
В цветущем ли саду,
И в парках всех, и на аллеях
Ищу, смотрю во все глаза,
Но не могу найти тебя,
Тебя, однако, нет.

Но нет!
Как ошибаюсь я!
Ты есть,
Ты есть,
Ты есть!

Ты в моем сердце есть,
В душе моей ты есть,
И в разуме ты есть,
Ты есть.

Ты и в словах моих,
И на губах моих,
Перед глазами ты стоишь,
Ты есть.

Ты есть в моих ночах,
Ты есть и в моих днях,
Ты есть и в моих снах,
Ты есть.

Ты в жизни моей есть,
И в доме моем есть,
И в мыслях моих есть,
Ты есть.

В моих стихах,
В моих речах,
В суждениях моих
Ты есть.

В терпении моем,
В моих эмоциях
И радости моей
Ты есть.

Куда бы я ни шел,
Где б ни искал,
Перед глазами
Только ты, лишь ты.

Тебя ищу
И нахожу!
И в этом мире,
Пока я жив,
Ты для меня
Все время есть,
Ты есть,
Ты есть.

*Перевод с курдского Нуре САРДАРЯН
(Нура Амарик)*

МОЙ НАРОД

*Моему отцу Барие Бала,
человеку, посвятившему всю свою жизнь
служению своему народу*

Я твой раб и слуга, мой храбрый народ,
С тебя начинается истории ход.
Служить тебе — мое богатство, мой доход,
Будь счастлив, великий мой курдский народ!

Сколько варваров пытались тебя уничтожить,
Языка лишали, культуры тоже,
Города и деревни переименовали даже,
Но не смогли с Курдистана они тебя выжить!

Живи, развивайся на радость ты миру!
Живи и борись за народов свободу!
Тобой уничтожен фашистов стан,
Живи тысячу лет, мой Курдистан!

Anarê Barîê Bala

SPONSORÊ PÎRTÛKÊ (СПОНСОР КНИГИ)

АВТОБІОГРАФІЯ СПОНСОРА

Малагов Бег-Али Байрам Алиевич родився 06 июня 1966 г. в поселке Заря Востока Каскеленского района Алматинской области.

Отец – Малагов Байрам-Али Дурсунович, 1937 года рождения, мать – Малагова Мурват Сулоевна, 1938 г. рождения.

Женат, имеет четверых детей: Джабраил, Джамиля, Мохаммад и Исая и трех внуков — Агали, Нияз и Мяляк.

В 1983 году окончил среднюю школу № 85 поселка Заря Востока, во время учебы два года работал секретарем комсомольской организации школы.

С 1983 по 1984 год работал старшим продавцом овощном магазине, в это же время закончил с отличием курсы РТКШ (республиканская торгово-кулинарная школа).

С 1984 по 1986 г. служил в рядах советской армии в г. Минске (Белорусская ССР) в 558 ВСО (военно-строительный отряд). Во время службы был награжден знаком «Отличник Военного Строительства СССР».

С 1986 по 1988 гг. окончил с отличием Алматинский техникум советской торговли, являлся Ленинским стипендиатом. Во время учебы одновременно работал секретарем комсомольской организации, был заместителем секретаря парторганизации по идеологической работе этого техникума.

С 1988 по 1994 годы работал в АТСТ в качестве Председателя профсоюзной организации, в это же время являлся членом Президиума Алматинского Обкома Профсоюза работников народного образования и науки.

С 1989 по 1994 годы заочно окончил Казахскую Государственную Академию управления по специальности «Экономика торговли и Управление в общественном питании».

С 1995 по 1996 годы работал коммерческим директором на фирме «Айна».

С 1992 по 2014 годы параллельно с основной работой занимался индивидуальной предпринимательской деятельностью на рынке Алатау г. Алматы.

В 2001 по 2003 году построил Станцию Технического Обслуживания автомобилей «Mercedes Inter Сервис», где по настоящее время работает генеральным директором.

Наряду с финансовой деятельностью Бег-Али Малагов также активно занимается спонсорской и общественной деятельностью, принимая активное участие в работе курдских организаций г. Алматы. При спонсорской поддержке Бегали Малагова было издано несколько книг курдских поэтов и писателей.

Барие Бала выражает огромную благодарность своему племяннику Бег-Али за спонсорскую поддержку в издании этой книги.

BIRAZÎÊ MINÎ DELALÎ PIR HÊJA, PÊNCÎ SALÎA ROJBÛNA WE PÎROZ BE

Nişa xas, ji xizmeta gel xilaz nabe,
Kurê pir baş, ji bavê xwe derbaz dibe.
Gîha reha xwe şîn dibe, got berîa,
Esil paqîş nabe dîlê ber derîa.
Ew kesê dûrdikeve ji eslê xune,
Binê pê nexastyada dibe pîne.
Her kesîra nabe qismet, bibe maqûl,
Serbilind be, serfînyaz be, nebe zelûl.
Lok dikebin, tim ji loka, ew eyane,
Bok dikebin, tim ji boka, ew beyane.
Derbazbibin gelek-gelek sal-zemane,
Gelê xwera xizmet kirî nabe poşmane.
Qurne dû hev tîn û diçin, rêç dimîne,
Dû her mervî, yan pak, yan pîs, nav dimîne.
Eslê xweva tu axaî, him maqûlî,
Wek navê xwe tu bimîne, tim Begalî.
Navê bavo bilind kirye çend-çend qate,
Rebbê jorîn siê daxe timê ser te.
Malbeta xwe xweî bike, bê telp, qirêj,
Tev Marîa xanima xwe bijî dirêj.
Pêncî sal boy maqûla, pir hindike,
Nodî, sedî dilekî şa tu qut bike.
Şêst salya te, tev te hogir şa verêkin,
Ez, birê xwe, bê gopal bîn, te pîrozkin.

*Dilekî pir hêjaî, paqîş
Barîê Bala
2016 salê*

К 50-ЛЕТИЮ МОЕГО ПЛЕМЯННИКА БЕГАЛИ

Народу своему благородный служит человек,
Он сын достойного отца.
И от корней своих растет трава,
Благородный, слугой не станет никогда.
Но тот, кто корни потерял,
В ногах врага он прахом стал.

Не каждый может жизнь прожить достойно,
Идти по жизни гордо, голову подняв,
Без горестей, нести свободу
И выбрать в жизни правильную дорогу.
Ведь лев рождает только льва,
И стать достойным, лишь может
сын достойного отца.

Кто смог жизнь народу своему отдать,
В веках оставит след,
Тот след прославить имя может,
Но может и забвению предать.

Своих корней достоин, ты – Ага,
И имя – Бегали, которое ты носишь.
Прославит имя твоего отца,
И станет гордостью для нашего народа.

Всевышний пусть тебя благословит!
И путь твой благодатью осветит!
Служи семье своей и своему народу,
Без усталости, с достоинством и с честью.

Пусть рядом путь твой разделяет,
Твоя жена – Марина.
Пусть будет так, что прожил ты лишь половину,
Тех лет, что отвела тебе судьба.

Ведь 50 – не возраст для мужчины,
И в 60, что скоро встретишь ты.
Мы с братом с радостью придем,
И наши поздравления принесем.

*(Художественный перевод с курдского
на русский Хафизова Альфия)*

ALFABÊYA KURDÎ – КУРДСКИЙ АЛФАВИТ

п/п	Курдский алфавит (латиница)	Курдский алфавит (кириллица)	Русская транскрипция
1	A a	А а	А а
2	B b	Б б	Б б
3	C c	Ц ц	Дж
4	Ç ç	Ч ч	Ч ч
5	D d	Д д	Д д
6	E e	э	...
7	Ê ê	Е е	Э э
8	F f	Ф ф	Ф ф
9	G g	Г г	Г г
10	H h	Н н/Н'н'	...
11	I i	Б ь	Ы ы
12	Î î	И и	И и
13	J j	Ж ж	Ж ж
14	K k	К к\ К'к'	К к
15	L l	Л л	Л л
16	M m	М м	М м
17	N n	Н н	Н н
18	O o	О о	О о
19	P p	П п/П'п'	П п
20	Q q	Q q	...
21	R r	Р р	Р р
22	S s	С с	С с
23	Ş ş	Ш ш	Ш ш
24	T t	Т т/Т'т'	Т т
25	U u	Ö ö	...
26	Û û	У у	У у
27	V v	В в	В в
28	W w	W w	...
29	X x	Х х	Х х
30	Y y	Й й	Й й
31	Z z	З з	З з

NAVEROK СОДЕРЖАНИЕ

<i>Barîê Bala DÎLÊ ŞIKESTÎ</i>	2
<i>ÇEND GILÎ DERHEQA BARÎÊ BALA</i>	4
<i>ОБ АВТОРЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ</i>	8

HELBEST

HUB Û HEZKIRIN

<i>KEÇIKA BÊ ÎSAF</i>	16
<i>HEZKIRÎA MINE EWIL</i>	17

WELATHEZÎ

<i>PEYMANA “ROJA REŞ”</i>	20
<i>AX, SEDCAR, AX, KEDERA, SER KEDERÊ</i> ...	23
<i>EM PENABERIN</i>	27
<i>MÊVANÊ BAN NEKIRÎ</i>	31
<i>TEYRÊ BAZ</i>	33

REWAKIRIN

<i>HECÎ XANIMZER</i>	34
----------------------------	----

MIRINA BÊ DEM	36
NAMA ŞABÛNÊ DOSTÊ HÊJARA	38
KNYAZÊ ÎBREHÎM, PIRTÛKA TEYENÛ PÎROZ BE	39
ÎRO DÎSA	41
DUA EWIL RICA BIKIM	42
NAMA BARÎÊ BALAYE TIJÎ GAZIN HEJARÊ	
ŞAMÎLRA, BIRAZÎA	43
BÊLLA XANIM, SED EFERIM	44
XWEZIL	45
BIRAZÎA	46
XWEZIL, XWEZIL, KALTÎ-PÎRTÎ QET NEHATA,	
TUNE BÛYA	47
NÎYAZÊ NÎYAZ	49
EHMEDOKÊ ME	50
DOTA ÛYGÛR FAMÎNA	51

ŞÎRET

KURÊM	52
ESILZADE Û BEDESIL	53
DOSTÊ MINÎ RÊ ŞAŞKIRÎ	55

ÇARXET

ÇARXET	56
--------------	----

*ÇEND GOTIN Û FIKRÊD MINE FELSEFÎ
НЕСКОЛЬКО ФИЛОСОФСКИХ МЫСЛЕЙ*

NÎVÎSARA VEKÎRÎ

EZ Û KALÊ WELATHEZÎ PIR	
BI DERDÎ KUL	72
MEHMEDE SLOÊ MHOÊ – ÎSA BEGÊ REWANÎ	
KÎ BÛYE	88
KEW, BILBIL Û SORGULA TENGEZAR	95

**HELBEST Û NÎVÎSARA
VEKÎRÎ BÎ ZÎMANÊ
ПРОЗА И СТИХИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Я И ОДИНОКИЙ СТАРИК ИЗ ХАЛАБДЖИ С РАЗБИТЫМ СЕРДЦЕМ.	98
---	----

СТИХОТВОРЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я – БАРИ	118
ЕДИНСТВО	123
КУДА ИДТИ? ГДЕ ИСКАТЬ?	125
МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, ПРОШУ ВАС, ВСЕ СОБЕРИТЕСЬ ЗДЕСЬ	127
ПЕРЕД МОГИЛОЙ БЕССМЕРТНОГО ЛИДЕРА СВОЕГО НАРОДА	129
Я – БЕЖЕНЕЦ	131
РОДИНА	132
ЛАЧИН	133

ЧТО ТАКОЕ ЗЕМЛЯ?	134
СВОБОДА	135
КУРДЯНКА	136
МАРИНА	138
ПЕРВЫЙ СНЕГ	140
ЭЙ, БЕССОВЕСТНАЯ	141
ТЕБЯ ИЩУ, А ТЕБЯ НЕТ'	142
МОЙ НАРОД	145

SPONSORÊ PÎRTÛKÊ (СПОНСОР КНИГИ)

АВТОБИОГРАФИЯ СПОНСОРА	146
BIRAZÎÊ MINÎ DELALÎ PIR HÊJA, PÊNCÎ SALÎA ROJBÛNA WE PÎROZ BE	149
К 50-ЛЕТИЮ МОЕГО ПЛЕМЯННИКА БЕГАЛИ	150
ALFABÊYA KURDÎ – КУРДСКИЙ АЛФАВИТ ..	152

BARÎÊ BALA

DÎLÊ ŞIKESTÎ

Redaktorê sereke – Anarê Barîê Bala
Redaktorê berpirsiyar – Anarê Barîê Bala
Korrekter – Olga Fedotova. Anarê Barîê Bala
Redaktorê texnîkî – Îlmînûr Nasirova
Rêzber – An arê Barîê Bala
Tercûmeyên helbesta bi zimanê ûrisî – Marîna Stûkalîna
Alfiya Xafîzova. Nûrê Serdaryan

БАРИЕ БАЛА

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Главный редактор – Анаре Барие Бала
Отвественный редактор – Анаре Барие Бала
Корректоры – Ольга Федотова и Анаре Барие Бала
Технический редактор – Ильминур Насырова
Компьютерный набор – Анаре Барие Бала
Составитель и перевод прозы – Анаре Барие Бала

Перевод стихов на русский язык:
Вольный перевод – Марина Стукалина
Художественный перевод – Нуре Сардарян
и Альфия Хафизова

Подписано в печать 23.11.16. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Услов. печ. л. 9,75. Учетн.-изд. л. 10,0 б.т.

Таралымы 300 дана. Заказ 1171.

Издательство «Гига Трэйд»,

г. Алматы, 16 линия, 96

PDF:

Enstîtuya Kurdî ya Qefqasyayê

Web:

<https://www.ensiklopediyakurdi.com/>

Tel.:

+7 918 073 48 79

